

Emotion

Ярослава Лазарева

ЭмоLove

Марика

Кирилл

Розовый узор
на черном
крыле...

Ярослава Лазарева

Розовый узор на черном крыле...

«Автор»

2013

Лазарева Я.

Розовый узор на черном крыле... / Я. Лазарева — «Автор», 2013

Они встретились случайно в день рождения Марики. Девушку поразили внешний вид ее нового знакомого: черная одежда с яркими розовыми и сиреневыми рисунками, черные волосы с длинной челкой, закрывающей глаза, пирсинг в уголках губ. В их маленьком городе она не встречала таких парней. «Кирилл», – представился он и заглянул ей в глаза. И девушка почувствовала, как эмоции захватывают ее. Еще минуту назад она даже не подозревала о существовании этого парня, но сейчас не хотела расставаться с ним, мечтала узнать о нем все, смотреть и смотреть в его прозрачные синие глаза, похожие на васильки... Это история первой любви, чистой, верной и преданной, на черно-розовом фоне субкультуры эмо.

© Лазарева Я., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ярослава Лазарева

Розовый узор на черном крыле...

Глава первая

*Сквозь черные очки
мир кажется вдруг розовым.
И ты кричишь в ночи. Любовь всегда как грозы.
Но чернота небес
От молний вспыхнет розово...*

Из песни группы «Черно-розовое кино»

...Капли крови, медленно стекающие из длинного пореза на запястье приподнятой левой руки, казались ему маленькими шаровидными сердечками. Кирилл следил за их падением в отражении огромного старого трюмо, стоящего в коридоре. Он завороченно смотрел в зеркало на порез, который только что сделал лезвием бритвы, на красную полосу выступающей крови, затем перевел взгляд на свое узкое бледное лицо, наполовину прикрытое косой черной челкой, на синие глаза, обведенные черным карандашом, на бледно-розовые губы с двумя колечками пирсинга в уголках. Его лицо страдальчески искривилось. Кирилл отвел взгляд от отражения и посмотрел на пол. Капли крови падали бесшумно, и распластывались на затертом линолеуме маленькими неровными звездами. Он больше не мог плакать, его душа устала. Он чувствовал опустошение, смешанное с небольшой долей удивления и любопытства, что все сейчас для него закончится. Месяц назад Кириллу исполнилось восемнадцать. И он вдруг усмехнулся, подумав, что его жизненный путь оказался коротким и бессмысленным, и что все, видимо, в этом грустном неправильном мире не имеет никакого смысла. Он стоял перед трюмо, чуть ссутулившись и не отводя взгляда от своего отражения. Кириллу казалось, он полностью погрузился в мир зазеркалья, и его бледный худой двойник с приподнятой окровавленной рукой сейчас повернется и исчезнет в туманной глубине зеркала. А вместе с ним исчезнет и он. Его голова начала кружиться, но на губах появилась улыбка.

Кирилл не услышал, как дверь позади него раскрылась, настолько бесшумным и легким было прикосновение и последующее движение. Он заметил только какую-то тень, но даже не повернул головы. Его сознание, измученное душевной болью, не реагировало на внешние раздражители. Кирилл по-прежнему находился словно на границе двух миров. Но лицо, возникшее в зеркале позади него и медленно приближающееся, заставило сфокусировать взгляд. Черты становились все четче, краски ярче. И вот уже практически его двойник смотрел из-за его щеки. Черная рваная челка наполовину закрывала бледное лицо, ярко-голубые подведенные черным глаза смотрели пристально, маленькие розовые губы сжались и побелели от волнения. Он ощутил легкое прикосновение к щеке. Кожа была теплой и нежной как шелк. И от этой неожиданной теплоты он почувствовал странную тяжесть в опускающихся веках, слезы обожгли глаза. Кирилл увидел, как набухшую голубую вену на его руке зажимают тонкие пальцы с короткими ногтями, покрытыми черным лаком, почувствовал сжатие обхватившей его руки, услышал шепот: «Не покидай меня», и начал оседать на пол, практически теряя сознание.

Когда он очнулся, то понял, что сидит возле трюмо, привалившись к стене. Бледное тонкое лицо склонялось к нему. Глаза казались огромными из-за расширившихся зрачков.

– Марика..., – прошептал он.

Но теплый палец прижался к его дрогнувшим похолодевшим губам, и он замолчал, вновь закрывая глаза. Кирилл почувствовал, как отвели челку со лба, скользнули по щеке, губам, которые невольно дрогнули, как вытерли влажные щеки чем-то мягким.

– Марика, – тихо повторил он.

Поцелуй был таким легким, словно это не губы коснулись его, а крыло мотылька, пролетающего мимо.

Когда Кирилл окончательно пришел в себя, они сидели на кухне и пили чай из старых щербатых чашек. Марика не сводила с него глаз и беспрестанно улыбалась. Она старательно обходила темы, связанные со смертью, самоубийством, нервным срывом и говорила только о том, что уже весна, мартовский снег тает и уходит в землю, а небо становится все более глубоким и прозрачным.

«Как твои глаза, любовь моя, – думал Кирилл, глядя в ее порозовевшее оживленное лицо. – Твои глаза, как небо в марте. Такой же синевы. И хоть не за одной мы партой, но все же вместе мы», – сложились в его голове стихи.

И Кирилл улыбнулся.

Марика замолчала на полуслове и внимательно посмотрела в его ставшие задумчивыми глаза. И тут же перевела взгляд на запястье, перемотанное белым бинтом. Она нахмурилась, так как заметила все увеличивающиеся красные пятна.

– Может, все-таки поедem в больницу? – прошептала она, склоняясь к его руке, безвольно лежащей на краю стола.

– Нет! – нервно ответил он и отдернул руку. – Не трогай, я сам!

И Кирилл принялся осторожно разматывать бинт.

– Знаешь, я как-то читала в инете, – начала Марика нарочито веселым голосом, – что раньше, еще на заре эмо была очень популярна игра со снэпами. Условия игры состоят в том, что надо сорвать с руки браслет определенного цвета. И если срываешь, то получаешь то, что цвет обозначает.

– Да? – заинтересовался Кирилл и перестал разматывать бинт. – И что же означает белый цвет? И красный, кстати, – добавил он, посмотрев на свое запястье.

– Насколько я помню, – ответила она и лукаво улыбнулась, – белый это поцелуй, а красный – стриптиз.

– Интересно, – пробормотал он, – тогда сама снимай. А потом поцелуешь и покажешь стриптиз.

И Кирилл протянул ей руку. Марика зажмурилась, но тут же посмотрела сквозь ресницы и начала сматывать бинт. Ранка оказалась хоть и длинной, но не глубокой. Ее края начали стягиваться.

– Вот видишь, – тихо проговорил Кирилл, – ничего уже нет, а ты боялась. Целуй!

И он приподнял лицо и закрыл глаза. Марика потрогала шарики подковки в его левой брови, провела пальцами по бледной щеке. Потом легко коснулась губами его губ и выпрямилась.

– Но зачем ты хотел сделать это? – прошептала она, глядя повлажневшими глазами. – А если бы я не пришла сейчас? Зачем?! – крикнула она и сжала кулачки.

– Были причины, – глухо проговорил Кирилл. – И разве можно оставаться здесь? – после паузы спросил он и обвел страдальческим взглядом кухню. – И не только в этой загаженной квартире, а вообще в этом изгаженном людьми мире?!

Его губы искривились, глаза наполнились слезами.

– И ты не поймешь, живя со своей богатой мамочкой, – еле слышно добавил он и опустил голову.

Челка сползла вниз, закрыв лицо наполовину.

Марика посмотрела на газовую плиту, сплошь покрытую пятнами от пролившегося жира и пищи, на кастрюлю когда-то голубого цвета, а сейчас словно расписанную граффити – причем художниками служили огонь и копоть – на тусклый от грязи металлический чайник без крышки. Ее взгляд скользнул по заржавевшей мойке, по сушке, заполненной шербатыми пожелтевшими фаянсовыми тарелками, по стене с отставшими кое-где и давно выгоревшими обоями унылого серо-голубого цвета в мелкий коричневый цветочек и задержался на крючке с висящим на нем полотенцем, напоминающим своим видом половую тряпку. Марике показалось, что под ним шевелится какая-то тень, и она пристально вгляделась. Увидев усики, а затем и появившегося из-под полотенца толстого коричневого лоснящегося таракана, она вздрогнула и тут же встала. Схватив засаленную прихватку, хлопнула ей по стремительно убегающему таракану. Он свалился на пол, резво перевернулся и скрылся среди нескольких пустых водочных бутылок, стоящих у помойного ведра.

– Они у нас как торпеды, – сообщил Кирилл и начал улыбаться, наблюдая за покрасневшей Марикой.

Она вымыла руки, хотела вытереть их, но тут же отдернула от грязного полотенца и брезгливо поморщилась. Кирилл открыл верхний ящик шкафа и протянул ей бумажные салфетки. Она кивнула и взяла их.

– Ах, ты Марусечка, ах, моя дусечка, налей мне водки в этот вот стакан, – пропел кто-то в коридоре высоким голосом, – мы выпьем водочки, нам станет весело, и я тебе жарку-то наподам. Эх!

Раздался шум, сопение, приглушенный смех. Затем звонкий шлепок.

– Пусти, Николка! Не хапай! – визгливо проговорил женский голос. – Куда лезешь-то? Дурак, зачем сразу юбку рвать! Дома-то кто есть у тебя? – громко спросила она.

– Да нет же, говорю! Сынок в школе еще, а женка нынче в смене на сутках. Говорю же тебе, дуреха, диспетчер она, – важно добавил мужчина.

И громко икнул. Раздался дружный смех. Марика ринулась к двери, но Кирилл схватил ее за руку и приложил палец к губам. Потом притянул к себе и усадил на колени. Она прижалась к нему и уткнулась лицом в шею. Пряди их волос смешались. У Марики в челке была широкая ярко-фиолетовая полоса, и казалось, что это у Кирилла появилось фиолетовое продолжение длинной черной пряди.

– Давай, девонька, шустрее, а то сил нет терпеть, – проговорил в этот момент мужчина.

Его голос был так близко, что Марика поняла: они в этот момент находятся за закрытыми дверьми кухни. И невольно сжалась.

– А водка у тебя есть? – глухо спросила женщина.

Дверь на кухню скрипнула и начала приоткрываться.

– Потом, потом, чего время тянешь-то? – раздраженно сказал мужчина.

И голоса начали удаляться. Раздался скрип двери.

– Папаня девку привел, – пробормотал Кирилл. – Это надолго.

– Уйдем? – прошептала она ему в ухо, касаясь губами шарика сережки.

– Сейчас куртку возьму, – прошептал он в ответ, – в моей комнате.

Кирилл плавно встал, не разжимая объятий. Марика соскользнула с его колен и испуганно посмотрела ему в глаза.

– Я тут одна не останусь! – сказала она.

Кирилл кивнул, взял ее за руку и тихо открыл дверь.

В коридоре было темно. Он напоминал туннель, заваленный всякой рухлядью. Они скользнули в эту темноту и практически бесшумно, так как оба были в кедах на резиновой подошве, двинулись вглубь. Когда поравнялись с белой дверью, то оба остановились, как вкопанные. Звуки, раздававшиеся из комнаты, заставили их замереть и прислушаться.

– Ну, ты чего? – возмущенно спросил женский голос.

Раздался какой-то стук.

В довольно широкую щель они увидели парочку, устроившуюся на кровати, и замерли. Кирилл повернул голову и посмотрел на Марику. Ее глаза сильно расширились, губы приоткрылись. Она, не отрываясь, смотрела в щель, на лице читалось отвращение.

– И это, по их мнению, и есть любовь, – прошептал Кирилл и осторожно прикрыл дверь.

– Но это не любовь, – тихо сказала она и потянула его за руку.

Они пошли по коридору, удаляясь от спальни.

И когда Кирилл распахнул дверь в свою комнату, то чирикание воробьев, ошавших от мартовского солнца, ворвалось звонкой музыкой из распахнутой форточки и заглушило все звуки в коридоре. Как только они вошли, Кирилл притворил дверь и повернулся к Марике. За ее спиной от сильного сквозняка колыхалась тонкая тюлевая штора розоватого оттенка. И солнце из-за этого безостановочного движения заливало комнату неровными, словно танцующими полосами света. Волосы Марики, подсвеченные лучами, окружали ее голову искристым ореолом и выглядели красновато-каштановыми. Широкий обруч блестел пластиковой чернотой над ее челкой. Маленькая стеклянная бабочка сидела на нем сбоку, и солнце светило сквозь ее прозрачные розовые крылышки, делая их живыми и трепещущими. Кирилл коснулся пальцем этой бабочки, и она задрожала. Выражение его лица стало мягким и каким-то по-детски беззащитным. Он снял обруч, завел челку назад, открывая высокий гладкий лоб, и снова надел его. Марика улыбнулась.

– Ты очень красивая, – прошептал он.

– И ты, – не переставая улыбаться, сказала она.

– Я люблю тебя...

– Я люблю тебя, – как эхо повторила она.

Кирилл коснулся губами ее лба. Она легко вздохнула, отстранилась и огляделась.

– Как у тебя всегда чисто! – заметила Марика и села на маленький диван, застеленный покрывалом в черно-розовую мелкую шашечку. – И покрывало такое красивое, и вся комната выдержана в одном стиле.

– Это только мой мир! – ответил он. – И я не могу жить так, как мои родители. Квартира запущена, без ремонта уже десять лет. Я везде убираю периодически, но бесполезно! Мать раньше пыталась хоть как-то поддерживать порядок, но, знаешь, мне кажется, ей со временем стало все равно. И она махнула рукой и на хозяйство, и на то, что отец пьет, да и на себя в конечном итоге. Ходит на работу, как заведенная, а в выходные или во дворе с соседками сидит или весь день у телевизора сериалы смотрит. Я уж ее и не трогаю. Когда она все эти мыльные оперы просматривает, у нее вид такой отстраненный и даже счастливый. Но меня она любит по-своему. Это покрывало она, кстати, мне подарила на день рождения. Ездил к брату в Москву на два дня и оттуда привезла.

– И она угадала, – заметила Марика. – Черно-розовое, как и все в твоей комнате. У меня сразу настроение другое, когда я к тебе прихожу.

– Не угадала, – тихо засмеялся Кирилл, – а я попросил купить что-нибудь такого типа на диван. И подходящий материал для штор маманька тоже привезла. Я ей объяснил, что мне примерно нужно. Хорошо, что после отъезда брата вся комната принадлежит мне! И я могу делать, что захочу. Я же тебе рассказывал, что все лето работал. Вот и смог на эти деньги обставить и переделать комнату по своему вкусу. Тебе, правда, нравится?

– Конечно! – ответила Марика. – У тебя очень мило.

Она взяла белого мохнатого мишку, лежавшего возле двух подушек в виде розовых плюшевых сердец, и прижала его к себе. Кирилл придвинулся, не сводя с нее глаз. Марика посмотрела на противоположную стену. На серебристо-белых новеньких обоях четко чернели рамки с фотографиями. Это были их совместные снимки.

– Ой, а это что? – удивленно воскликнула Марика, заметив над письменным столом рамку в виде большого красного сердца. – Я это не видела.

– Вчера купил, – тихо ответил Кирилл и неожиданно залился краской.

Марика удивленно глянула на его смущенное лицо. Он тут же спрятал глаза под челку и опустил голову. Она встала и подошла к столу. В одной половине сердца была ее фотография. Марика на ней смотрела исподлобья, челка падала ей на глаза, почти закрывая их, лицо заострялось книзу и казалось очень худым, бледные губы были почти неразличимы, и от этого акцент приходился исключительно на большие подведенные черным глаза. Вторую половину рамки заполнял розовый листочек со стихами, написанными от руки черным фломастером.

– Два сердца половины соединились вновь. Мы с Марикой едины. И это есть любовь, – вслух прочитала она и повернулась к Кириллу.

Он сидел на диване, сжавшись и спрятав сомкнутые руки между сдвинутых колен.

– Это очень трогательно, – прошептала она и подошла к нему. – Ты такой милый! Ты самый лучший!

Кирилл поднял глаза, обхватил ее за талию и прижал к себе. Его губы коснулись оголенного живота, спустились маленькими поцелуями до пупка. Кончик языка задел за выпуклую золотую розочку с крохотной бриллиантовой капелькой росы. Марике стало щекотно, и она тихо рассмеялась. Запустив пальцы в волосы Кирилла, начала нежно перебирать пряди. Он потерся щекой о ее живот, задевая подбородком за низко спущенный ремень с массивной пряжкой в виде покрытых розовой эмалью губ.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

– Я люблю тебя, – повторила Марика и склонилась к его приоткрытым губам.

Поцелуй был долгим, но их языки не касались, только улыбающиеся губы терлись друг о друга и периодически легко прижимались.

Время словно остановилось. Шум улицы за окном, суматошное чириканье воробьев, чей-то смех, завывающая сигнализация не тревожили их. Они слышали лишь дыхание друг друга, чувствовали прикосновение губ и рук, ощущали свежий аромат парфюма, исходящий от них. Марика уже сидела на коленях Кирилла. Она теребила кулон на его шее в виде половинки металлического сердечка. Кирилл улыбался от прикосновения ее прохладных пальцев. Он склонился и губами взял точно такой же кулон, висящий на черном шнурке на ее шее. Она откинула голову назад и расхохоталась. Его губы отпустили сердечко и начали скользить по ее шее. Но вот она ощутила, как пальцы оттягивают вырез ее трикотажной кофточки, и схватила его руку.

– Зачем? – прошептала она, заглядывая ему глубоко в глаза.

Она увидела, как в их блестящей синеве разрастается чернота зрачков, и это отчего-то испугало. Что-то рождалось в этой черноте, что-то, как ей казалось, несущее угрозу их безмятежной любви. Марика вскочила и отошла к стене. Прислонившись спиной и спрятав руки за поясницу, она смотрела на опущенное лицо Кирилла.

– Я хотел погладить, – тихо сказал он. – У тебя такая нежная кожа. Мне так нравится чувствовать ее тепло. К тому же, – громко добавил он и улыбнулся, – ты задолжала мне стриптиз! Ты же сама рассказывала об этой игре со снапами. И зачем?

– И правда, зачем я тебе это рассказывала? – рассмеялась Марика и шагнула к нему.

Но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге возник худой мужчина. Он сощурил водянистые нависшие глаза, словно солнечный свет мешал ему. Его обрюзгшее лицо цвета пыльного асфальта скривилось, мокрые синеватые губы расползлись в подобии улыбки, глаза задержались на Марике.

– А, и ты тут! – хрипло рассмеялся он, окидывая ее стройную фигуру ошупывающим взглядом.

– Здравствуйте, Николай Игнатьевич, – вежливо проговорила Марика.

– Приветик, куколка, – осклабился он и облизал нижнюю отвисшую губу. – А сыночек-то у меня не промах, такую девочку заимел, весь в меня!

Кирилл вскочил, ринулся к окну и дернул шнур. Черные плотные портьеры, испещренные рисунками розовых черепов, упали и полностью закрыли окно. В комнате стало темно, только солнце, бьющее по ту сторону портьер, просвечивало тонкую ткань рисунков. И на черном фоне светились розово-золотистые контуры черепов. Это выглядело жутковато. Кирилл схватил пульт и нажал кнопку. Музыкальный центр, стоящий в углу на низком столике, мгновенно включился.

Я смерти жду, я не хочу
видеть вашу любовь!
На черном небе полыхает
алым первая кровь.
И все так гадко, я уйду,
глаза закрыв и крича.
И слезы жгут, я не прошу

Шепот любви палача, – на максимальной громкости запел солист одной из групп, играющих в стиле эмо-кор.

– Прекрати! Выключи эти дебилские песни! – заорал Николай Игнатьевич так громко, что перекрыл музыку. – И чего ты штору эту могильную опустил? На папаньку смотреть не хочешь? Так я тебя сейчас научу, недоносок!

Он ринулся к сыну, замахиваясь кулаком. Но Марика бросилась к ним и встала перед Кириллом. Она прижалась к нему спиной, опустив голову. Николай Игнатьевич остановился, покачнулся и сплюнул.

– Чего разорался? – раздался в этот момент визгливый женский голос.

В проеме двери появилась низкая полная девушка, на вид лет тридцати. Она куталась в дырявое застиранное махровое полотенце когда-то салатового цвета. Ее широкие пухлые плечи выпирали из-за его краев, как подошедшее в тепле дрожжевое тесто.

– Ой! – пискнула она и захихикала. – А мы тут, Николка, не одни! Ты бы хоть предупредил! А то «в школе, в школе»! Я еще подумала, что вообще-то у деток весенние каникулы начались.

Она начала переминаясь, запахивая разъезжающиеся края полотенца. Ее толстые ноги были засунуты в растоптанные клетчатые домашние тапочки размера на два больше, чем нужно.

– Ты вконец опупела! – грозно спросил Николай Игнатьевич и двинулся к ней. – Куда прешься-то? Пошла вон, шалава!

– Ты чего, чего? – явно испугалась она и попятилась.

Но споткнулась о задравшийся линолеум, и шлепнулась на спину, громко взвизгнув. Ее толстые как бочонки ноги взлетели, полотенце сползло.

Кирилл стянул куртку со спинки стула, крепко ухватил дрожащую Марику за руку и быстро вышел из комнаты, притворив за собой дверь. В коридоре сразу стало темно. Николай Игнатьевич пытался поднять барахтающуюся и смеющуюся девушку, но сам упал на нее, что вызвало новый взрыв смеха. Кирилл осторожно обошел их и быстро направился к выходу, не выпуская руки Марики.

Они покинули квартиру и начали спускаться по грязной лестнице. Пятиэтажный дом из серого кирпича, в котором жил Кирилл, был классической хрущевкой, и давно требовал ремонта. Стены подъезда, выкрашенные темно-зеленой краской, пестрели графическим выражением эмоций населения. На пыльных подоконниках стояли банки от растворимого кофе,

доверху заполненные всяким мусором. Но окурки валялись и на полу, и на лестницах. Тут же стояли пустые пивные банки и бутылки.

На площадке второго этажа обнималась парочка. Бритоголовый накачанный парень в черной кожаной куртке навалился на высокую худую девушку с распущенными, добела высветленными волосами. Он целовал ее, шаря руками под ее расстегнутой короткой малиновой курточкой.

– Это Череп с Натали, – еле слышно шепнул Кирилл и пошел медленнее, вцепившись в руку Марики. – Может, он нас не заметит.

Но когда они спустились по лестнице и уже завернули с площадки вниз, Череп оторвался от девушки и громко, с издевкой произнес:

– А вот и наши эмо – придурки!

– Здравствуйтесь, – вежливо сказал Кирилл.

А Марика молча улыбнулась и кивнула.

– Мы не плачем? Сопли на нос не мотаем? – ухмыльнулся Череп. – И что же это случилось? То-то, думаю, погода жесть какая для марта! Жара наступила! А это эмо не рыдают! Надо срочно исправить! Убейтесь, эмо-придурки! – дурашливо крикнул он.

И схватил Кирилла за конец длинного шарфа в узкую черно-белую полоску, резко развернув к себе.

– Да не лезь ты к ним, Череп! – встряла Натали, доставая из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. – Пусть себе идут! Это же Марика!

– Цыц, малявка! Сам вижу! – прикрикнул он на нее. – Ты еще тут будешь указывать, что мне делать, а чего нет. Я и сам как-нибудь разберусь. Я все-таки мужчина, не то, что некоторые, не понять даже какой ориентации!

И он резко дернул Кирилла за конец шарфа. Тот смотрел исподлобья. Челка упала на глаза, и они ярко синели между растрепавшихся прядей, губы побелели так, что сливались с лицом, только выделялись колечки пирсинга в их уголках.

– Я тебе не малявка! – неожиданно обиделась Натали и щелкнула зажигалкой. – Придешь к нам в парикмахерскую, ко мне даже не приближайся! Пусть тебе кто-нибудь другой черепушку бреет. Понял?! – с вызовом спросила она, прикурила и приподняла подбородок.

Ее серые, густо накрашенные глаза насмешливо смотрели на оторопевшего друга. Тот отпустил шарф Кирилла и в первую минуту, кажется, онемел от возмущения.

– Чего? Чего? – переспросил он, придвигаясь к ней.

– Чего слышал, урод! – расхохоталась Натали и выпустила струйку дыма ему в нос.

Кирилл и Марика не стали дожидаться, чем закончатся разборки, и быстро начали спускаться. Они услышали какую-то возню, потом приглушенный вскрик, звук пощечины, смех, переглянулись и вылетели из подъезда.

Сияющий солнечный мартовский день встретил их холодным прозрачным воздухом, сверкающими каплями растаявшего снега, летящими с крыш, из-под колес машин, из-под ног резвящихся детей, звонкими переговорами птиц и периодически взывающими, одуревшими, как всегда в марте, котами. Марика глянула на улыбающегося Кирилла и заботливо застегнула его распахнутую куртку, под которой была надета только тонкая светло-фиолетовая футболка с изображением розового бутона на груди. Он молча улыбался, стоя неподвижно, пока она застегивала молнию.

– Простудишься, – пробормотала она, обматывая шарф вокруг воротника.

– И ты можешь простудиться, – сказал Кирилл и начал защелкивать крупные металлические кнопки ее черной куртки с капюшоном.

Но ее джинсы были низкими, а куртка – короткой. И голый живот Марики оставался открытым. Золотая розочка в пупке ярко горела на солнце. Кирилл запустил руки под ее куртку и потянул края кофточки вниз.

– Прекрати! – тихо засмеялась Марика, отводя его руки. – Мне не холодно!

Она случайно задела полоску пластыря, которым залепила порез, когда Кирилл снял бинт, и нахмурилась, приподняв край рукава и приглядываясь. Но кровь больше не выступала. Марика тихо вздохнула, сняла несколько разноцветных веревочных браслетов со своей руки и надела на его запястье, прикрыв ими пластырь. Потом тихо просила:

– Куда пойдем?

Кирилл пожал плечами.

Их город был небольшим. В начале позапрошлого века возле деревообрабатывающей фабрики вырос рабочий поселок. Затем появилась мастерская по ремонту станков этой фабрики, а потом и завод, который начал выпускать необходимое оборудование. Вначале рабочие жили во временных длинных дощатых бараках. Но городишко разрастался, начали появляться деревянные дома деревенского типа, затем двухэтажные, где первый этаж всегда клали из кирпича, а второй был бревенчатым. И уже в советское время для рабочей элиты построили целый район трех- и пятиэтажных типовых домов из серого кирпича. В одной из таких пятиэтажек жил Кирилл. Его семья, состояла из пяти человек: вечно пьяного отца, работающего в ЖЭКе слесарем, тихой, давно махнувшей на все рукой матери, семидесятилетней бабушки, которая лето проводила в деревне, а зиму у них, и его старшего брата Глеба. Тот пять лет назад после окончания школы уехал в Москву, но в институт не поступил. Однако домой возвращаться не захотел и остался в столице. Звонил родным он редко, приезжал раз в год на пару недель. По его рассказам Кирилл знал, что брат снимает комнату, работает в какой-то строительной фирме, занимающейся ремонтом квартир, и всем доволен. Глеб рассчитывал жениться на москвичке с жильем, но в его бригаде девушки были приезжие, в основном из Молдавии и Украины. А хозяйки квартир, где они производили ремонт, даже не смотрели в его сторону. Тогда он решил заняться «глупенькими столичными блондинками», но они почему-то, хоть и были явно тупыми на его взгляд, серьезные отношения предпочитали строить исключительно с москвичами, а кандидатуры приезжих рассматривали только в соответствии с наполнением их кошельков. Глеб в один прекрасный день с изумлением понял, что его красивые, такие же ярко-синие как у Кирилла, глаза, густые русые волосы, отличная спортивная фигура, «золотые» руки, высокий интеллект и широкая душа не имеют в глазах «столичных штучек» никакой цены. Но он не унывал, считая, что ему обязательно повезет. И возвращаться в родной город не собирался.

Кирилл в этом году заканчивал одиннадцатый класс. Учился он всегда хорошо, но по поводу дальнейшей судьбы все еще ничего не мог решить. В их городе было несколько ПТУ, колледжей, причем, когда это название вошло в моду, слово «техникум» на вывесках просто заменили звучным иностранным словом «колледж». Например, техникум типографского дела получил название Полиграфический колледж, а местное культпросвет училище стало именоваться Колледж искусств, хотя суть заведений осталась без изменений. Были в их городе и два института, которые с недавнего времени стали называться Сельскохозяйственной академией и Открытым университетом. Факультеты в этих заведениях были стандартными – профильные и экономические. А когда появились и модные – менеджмент и психология, на них сразу оказался повышенный спрос среди выпускников школ. Но в основном молодежь шла работать на заводы. В городе их было больше десятка. И подростки из рабочих семей особо не задумывались и шли по стопам родителей. И все еще, несмотря на то, что советские идеалы практически разрушились, рабочие династии оставались в почете.

Однако в свободное время молодежи заняться было нечем. В городе имелось казино. Оно располагалось в здании единственного торгового центра, находившегося на центральной площади с непременно памятником В. И. Ленина. Но посещали казино только «олигархи» городского и районного масштаба. Молодежи, естественно, доступ туда был закрыт, хотя именно там почти ежедневно выступали местные и приезжие «звезды». При казино имелся и ночной клуб со

стриптизом. Туда могли попасть все те же местные «сливки общества», которые иногда брали с собой отпрысков, чтобы приобщить их к «взрослой» жизни.

Но у молодежи появился свой клуб. Он назывался «Неоновая стрелка», а среди ребят просто «Стрелка», и размещался в здании бывшего Дворца пионеров, находящегося все на той же центральной площади и прямо напротив здания торгового центра. Дворец пионеров переименовали в Дом детского творчества, а подвал разрешили отремонтировать и занять под клуб. Когда полтора года назад состоялось его открытие, молодежь со всего города собралась здесь к явному неудовольствию завсегдатаев казино. Контраст был налицо. С одной стороны площади возле современного стекляннно-бетонного пятиэтажного здания торгового центра парковались модные иномарки, а с другой, всего в двухстах метрах, возле старого монументального сталинского строения с колоннами, сосредоточилась разношерстная толпа подростков. И практически впервые собравшись все вместе, они увидели, что четко делятся на разные группы. Самой многочисленной оказалась группа бритоголовых скинхедов. Они тут же нашли общий язык с хулсами, или футбольными фанатами, которых, к удивлению многих, в их маленьком городке оказалось предостаточно. Гопники составляли почти такую же большую часть, как и скины, но так как они не группировались, а бродили по всей площади с извечными бутылками пива и дешевыми сигаретами, переходя от одной группы к другой, то казалось, их не так и много. Отдельной кучкой держались антифа, или антифашисты. Внешним видом они ничем не отличались от обычных ребят из малочисленных в их городке интеллигентных семей. Зато черная стайка готов сразу привлекла всеобщее внимание своей однообразной одеждой, черными волосами, специфическим макияжем и обилием металлических украшений. Они держались стороной, смотрели на остальных отстраненно и старались избегать общения. С готами были замечены несколько парней и девчонок, которые вроде бы придерживались их стиля, но определенные отличия имелись. Особенно бросались в глаза розовые мотивы в их черной одежде, узкие джинсы, обилие значков и практически одинаковые мягкие сумки на широких ремнях. Это были эмо-киды.

Открытие клуба прошло довольно спокойно, хотя администрация с испугом смотрела на разношерстные компании, занявшие столики. В программе вечера были выступления двух местных рок – групп, довольно известных в городе. И их приняли на «ура». В баре продавали разливное пиво, но директор клуба заранее распорядился, чтобы в него подмешивали димед-рол, на всякий случай, для успокоения буйных голов. Но уже на следующий вечер возле клуба произошла жестокая драка между скинами и антифа.

– Скинхед не быдло! Скинхед не расист! Скинхед – рабочий и социалист, – скандировали скины, подходя к клубу, возле которого собралась группа антифа.

Ребята явились на концерт приехавшей из соседнего города панк – группы «Город Даунов». Скины окружили группу антифа, отгеснили от дверей пока закрытого клуба, а потом начали закидывать пустыми бутылками. Все закончилось массовой потасовкой. К приезду стражей порядка все разбежались, а концерт пришлось отменить, так как «Стрелка» в этот вечер оказалось пустой.

И весь следующий месяц драки повторялись с пугающей администрацию регулярностью. А когда как-то утром за мусорными баками позади Дома творчества нашли забитого насмерть парня, принадлежащего к группировке антифа, то даже встал вопрос о закрытия клуба. Но скоро чья-то влиятельная рука все разрулила, и дни посещения были распределены между группировками. И они являлись точно по расписанию. Довольно скоро это вошло в привычку, столкновения возле «Стрелки» прекратились, администрация успокоилась, клуб работал ежедневно и уже не вызывал такого интереса у населения. Даже посетители казино смирились с тем, что молодежь собирается в такой близости от их мест обитания. Группировки, конечно, продолжали враждовать, но устраивали разборки или на окраинах, как раньше, или в близлежащем лесочке неподалеку от местного кладбища. Особой агрессивностью отличались скины,

гопники и хулсы. Одно время они дружно ополчились против эмо-кидов, которых в городке становилось все больше. Готы не вызывали такого неприятия, к тому же их всегда воспринимали как мрачных клоунов, этаких не вполне нормальных, но совершенно безобидных. Их черная одежда, черные волосы, подведенные глаза, часто с белыми линзами, черная помада на губах, как девчонок, так и парней, символика смерти в украшениях выглядели на улицах маленького рабочего города нелепо, претенциозно и даже забавно. На них буквально показывали пальцем и открыто смеялись. Но когда появились эмо, их почему-то все дружно возненавидели и старались всячески унижать и зачастую избивать. А их безропотность и явное нежелание вступать в конфликты только подстегивали преследователей. Готы, видя такие настроения, тут же изгнали из своей компании эмо-кидов. Те стали держаться особняком. Но в один прекрасный день преследование эмо в городе прекратилось. И причиной тому была Марика.

Два месяца назад, двадцатого января, когда ей исполнилось восемнадцать, она познакомилась с Кириллом. Это был воскресный день. И Мария Андреевна, ее мать, привезла дочку в торговый центр. Утром именинница получила от нее поздравления и подарок: наделу ручной работы в виде золотой розочки с бриллиантовой росинкой. Марика получила и конверт с крупной суммой от отца. Он давно не жил с ними, но общение не прерывал.

Когда они подъехали к торговому центру и вышли из новенькой Infiniti, то тут же увидели, как рядом паркуется белая Toyota. Из открывшегося окна высунулась хорошенькая ухоженная блондинка и помахала им рукой.

– Маша, Марика! – крикнула она в открытое окно.

Они остановились. Блондинка вышла из машины и направилась к ним, покачивая бедрами.

– Ой, как хорошо, что я вас встретила! Но вы прямо как сестры, – быстро заговорила она, сияя белозубой улыбкой. – Детонька, с днем рождения! Подарочек за мной!

Она чмокнула именинницу в щеку и повернулась к Марии Андреевне.

– Мне срочно нужен массаж и экспресс-маска, – умоляюще заговорила она. – А у тебя, Машенька, в салоне все вперед на неделю расписано. Ну пожалуйста, голубушка, распорядись! Пусть меня сегодня примут. Вечером необычайно важное мероприятие, и я должна выглядеть, понимаешь? А уж я в долгу не останусь!

Марика вздохнула. Салон красоты, самый лучший в городе, принадлежал ее матери и отнимал у нее практически все время.

– Так как? – спросила блондинка, придвигаясь к ним. – Я могу рассчитывать?

– Но сегодня воскресенье, мастера все заняты, клиентов много...

– Мам, вы тут договаривайтесь, – перебила Марика, – а я пойду. Встретимся в универмаге.

Ей совершенно не хотелось выслушивать взрослые разговоры. К тому же по опыту она знала, что это надолго.

В торговом центре по случаю выходного дня народу было много. На первом этаже располагались магазины бытовой техники, сувениров, хозяйственные и один цветочный. Тут же находилось небольшое кафе. Марика сразу поднялась на второй этаж. Она решила истратить все деньги отца на новую одежду. Побродив по «бутикам», Марика зашла в небольшой новый магазин, заявленный как «Мода для тинэйджеров». Она остановилась возле кронштейна со всевозможными пестрыми кофтами, свитерами и майками.

– Вам помочь? – вяло поинтересовалась молоденькая, сильно накрашенная продавец-консультант, но и не подумала оторваться от своего телефона.

– Не-а, – ответила Марика и сняла с кронштейна вешалку с ярко-красной кофточкой.

Она повертела ее, приподняла очень длинный капюшон, пощупала ткань. Глянув на ценник, присвистнула.

– У нас только все фирменное, – сообщила консультант, глянув на девушку. – Из каталогов!

– А вы не можете дать мне такие же джинсы, но на размер меньше? – раздался в этот момент голос из примерочной.

– Да зачем тебе?! – громко возмущилась консультант. – И эти в облипочку! А парню не пристало так себя обтягивать. Все органы наружу! – добавила она и захихикала.

Марика замерла и начала улыбаться. Потом с любопытством глянула на черную плотную штору примерочной кабинки. Продавец-консультант не двинулась с места. Штора отодвинулась, и показалось лицо юноши с длинной черной челкой. Он глянул на Марику немного испуганно, но она ободряюще ему улыбнулась. Его глаза, прикрытые черными прядями, поразили ее своей красотой. Она даже подумала, что они точно такого же цвета как васильки. Но Марика обратила внимание на то, что они подведены черным карандашом, и удивилась.

– Давай я тебе принесу нужный размер, – любезно предложила она.

Парень кивнул и, старательно запахивая штору, протянул ей джинсы.

– Такие же, – тихо сказал он, – но на размер меньше. Там есть, я видел.

Марика взяла джинсы и решительно направилась к консультанту.

– Вы слышали просьбу клиента? – спросила она и вздернула правую бровь.

Ее милое личико приобрело высокомерное выражение.

– Голубых тут еще не хватало! – раздраженно пробормотала консультант и брезгливо скривила губы.

– С чего вы взяли? – расхохоталась Марика.

– А ты будто не видела? – пожала та плечами и взяла из ее рук джинсы. – Да он весь в макияже, почище меня! И волосы крашенные! А джинсы-то какие хочет! И скажи, зачем нормальному парню так себя обтягивать? Да пусть эти берет! – упрямо добавила она.

– Вы что себе позволяете?! – разозлилась Марика.

– Ты еще мне, малявка, указывать будешь?! – не менее зло ответила ей консультант.

– Марика, ты тут? – раздался в этот момент женский голос, и в магазин заглянула Мария Андреевна.

– Да, мам! А прикольный магаз у нас открылся, – сказала Марика и улыбнулась, торжествуя глядя на побледневшую девушку.

Мария Андреевна была известной личностью, ее салон посещали все «шишки» города, к тому же по местному телевизионному каналу она часто выступала с рекламой, рассказывая о нововведениях. Полгода назад Мария Андреевна решила, что дело пора расширять, а метросексуалы могут быть не только в крупных городах, но и в провинции. И открыла отделение для мужчин. К ее радостному удивлению клиентов оказалось хоть отбавляй. Но, конечно, это были хорошо обеспеченные мужчины. После такого нововведения ее популярность в городе выросла на порядок.

– Но вот персонал подобран..., – ехидно начала Марика.

– Добрый день, Мария Андреевна! – восторженно заговорила консультант и кинулась к двери, трепетно прижимая джинсы к груди.

– Здравствуйте, – ответила та и повернулась к Марике. – Ты такие узкие джинсы выбрала? Они выглядят как лосины! – удивилась она, поднимая конец одной брючины. – Это что, новое веяние молодежной моды? Что-то я отстаю!

– Так это ваша дочурка! – умильно заговорила продавщица. – Сейчас мы все подберем! Это фасон «скини», очень модный!

– Ты примерять будешь? – спросила Мария Андреевна, не обращая внимания на продавщицу. – А это надолго, знаю тебя! Я пойду, пока кофе выпью.

– Хорошо, мамуль, – улыбнулась Марика. – Я тоже хотела зайти в фуд-корт.

– Там и встретимся, – улыбнулась она и вышла из магазина.

– Ну? Где нужный размер? – грозно спросила Марика, в душе забавляясь испугом консультанта.

Марике, в силу юного возраста, еще нравилось ощущать всеобщее почитание ее матери, вызванное определенным общественным статусом. Она в душе гордилась тем, что у нее такая статусная мать. Положение в обществе Марии Андреевны, несомненно, придавал вес и персоне дочери. И часто Марика вела себя высокомерно, беззастенчиво пользуясь той властью, которую имела над окружающими, исключительно как дочь своих родителей.

– Ну?! – подстегнула Марика. – Долго я буду ждать?

– Момент! – ответила консультант, выходя из столбняка, и ринулась к кронштейну.

Быстро найдя требуемый размер, она сняла джинсы с вешалки и устремилась в сторону примерочной.

– Я сама, – остановила ее Марика. – А вы покупателями лучше займитесь.

В магазин в этот момент, действительно, зашли парень и девушка на вид лет пятнадцати. Они остановились у двери и окидывали одежду растерянными взглядами. Консультант отдала джинсы Марике и метнулась к ним.

– Заходите, молодые люди, – лебезила она, – у нас только фирменное, все из Европы! И никаких китайских подделок.

Марика улыбнулась, подошла к примерочной и легко постучала по перегородке костяшками пальцев. Но ей не ответили. Даже штора не колыхнулась.

– Я тебе джинсы принесла, – сообщила Марика. – Ты там умер что ли? – поинтересовалась она и тихо засмеялась.

Ответа не последовало. Она чуть отдернула штору и заглянула внутрь. Парень сидел на корточках, привалившись спиной к стене и уткнув лицо в колени. Его длинная угольно-черная челка закрывала их, руки обхватывали согнутые ноги. Марика увидела, что на парне надеты носки в тонкую серо-белую полоску и белые кроссовки. Его джинсы висели на крючке. Марика задержала взгляд на широком ремне, практически полностью покрытом металлическими ромбовидными заклепками.

– Ты чего? – настороженно спросила она. – Принесла я твой размер. Примерь!

Парень поднял голову и глянул на нее исподлобья. Его глаза были влажными.

– Дерьмо все это! – пробормотал он. – Я все слышал! И вовсе я не гей!

– Да ты не обижайся, – сказала Марика сочувствующим тоном. – Она ж полная дура! Как наденешь штанцы, покажись. Хочу посмотреть, как они на тебе сидят. Может, себе такие же куплю.

И она протянула ему джинсы. Потом плотно закрыла штору и подошла к свитерам. Вертевшаяся возле покупателей консультант тут же ринулась к Марике.

– Вот тут у нас есть классные джемперочки, – быстро заговорила она, подобострастно заглядывая девушке в лицо. – И как раз ваш размер. У вас ведь XS, да? – уточнила она и заулыбалась, видимо, довольная своей проницательностью.

– Вам по – любому придется извиниться, – сурово произнесла Марика и повернулась к ней.

– За что это? Перед кем это? – опешила та, и ее выщипанные тонкие бровки взлетели.

– Перед клиентом, – усмехнулась Марика.

– Перед каким – таким клиентом? – с возмущением начала консультант. – Перед этим раскрашенным малолеткой...

– Вы не поняли? – оборвала ее Марика. – Вы безо всяких на то оснований определили ориентацию вашего клиента как нетрадиционную. А это вмешательство в личную жизнь! И это не толерантно! Вам повторить? А может, лучше повторить в присутствии директора вашей лавочки? Уверена, моя мать с ним знакома...

– Да, да, конечно, – опомнилась консультант. – Извинюсь, я, и правда, была не права. Но знаете, голова что-то с утра, давление наверное...

И она шумно вздохнула. В этот момент из примерочной выглянул парень. Но увидев, что Марика разговаривает, тут же нырнул обратно.

– Молодой человек, – с воодушевлением позвала консультант, – куда вы?! Хотим на вас полюбоваться!

Но Марика не стала дожидаться и быстро пошла к примерочной. Она заглянула за штору. Парень стоял перед ней, спиной к зеркалу и переминался с ноги на ногу. Черные джинсы довольно плотно обтягивали его худые стройные ноги, и от этого белые кроссовки казались непомерно большими.

– А ты уверен, что нужен именно этот размер? – спросила Марика, с сомнением оглядывая его.

Потом без приглашения зашла в кабинку и повернула растерявшего парня спиной к себе.

– Сзади сидят отлично, – констатировала она.

– Ну да, мне удобно, – тихо ответил он. – Видишь, в поясе они мне тоже как раз.

– Точно! – подтвердила Марика. – Тогда нечего раздумывать. Берешь?

– Хотелось бы, – кивнул парень.

– Чего тогда сомневаешься? – удивилась она.

– Уж очень дорого, – тихо ответил он и опустил голову.

– Ну-ка, чего они стоят? – поинтересовалась Марика и приподняла болтающуюся на хлястике этикетку. – Круто! А мы сейчас скидку сделаем! – рассмеялась она. – Давай, переоденься в свои и выходи. Хочешь, пятидесятипроцентную?

– Шутишь? – не поверил он.

– Увидишь! – задорно проговорила Марика и отодвинула штору. Но тут же обернулась и спросила: – Тебя как зовут-то?

– Кирилл, – тихо ответил он и улыбнулся, откинув челку со лба и глядя ей прямо в глаза. Она замерла, изучая его лицо.

На первый взгляд Кирилл казался изнеженным и инфантильным из-за белой гладкой кожи без признаков растительности, тонких черт и узкого овала лица. Металлические колечки в уголках губ и шарики подковы в левой брови странным образом только усугубляли общее впечатление утонченности. Но что-то пряталось в глубине его глаз. Что-то такое, что ясно говорило окружающим: «С этим парнем шутки плохи, и он может всегда постоять за себя». И это несоответствие внешней изнеженности и внутренней мужественности цепляло взгляд. Марика не могла оторваться от его лица. Глаза Кирилла, их прозрачность и редкий оттенок сочной синевы поразили ее с первого взгляда. А черная линия подводки делала их еще ярче и глубже. Кирилл неожиданно покраснел и моргнул. Его смущенная улыбка заставила Марику опустить взгляд. Она увидела в Y-образном вырезе темно-малинового обтягивающего джемпера черный шнурок, на котором висели две половинки металлического сердца.

– Меня зовут Кирилл, – тихо повторил он.

– Да слышала, не глухая! А меня Марика, – сказала она и тоже отчего-то смутилась.

Потом резко отвернулась и вышла из примерочной. Она решительно двинулась к кассе, по пути сняв первую попавшуюся под руку вешалку с джемпером и прихватив со стола пару цветных футболок. Кассирша тут же встала и умильно на нее посмотрела. Консультант тут же подбежала.

– Выбрали? Очень хорошо, – заворковала она. – Лучшие модели, самые последние новинки моды! У вас отличный вкус! Впрочем, как и у вашей матушки!

– Я ей обязательно передам ваше мнение, – медовым голосом ответила Марика и обвожительно ей улыбнулась.

– Благодарю, – расплылась в довольной улыбке консультант и кивнула девушке-кассирше.

Та начала пробивать чеки.

– У меня день рождения сегодня, – сообщила Марика.

– О! Поздравляю! Что же вы раньше не сказали? Вот, подарок от нашего магазина, – сказала консультант и положила на стол прозрачную упаковку с капроновым шарфиком нежно-лазоревого цвета. – Очень к вашим глазам подойдет, – подобострастно добавила она.

– Спасибо, – спокойно ответила Марика и отодвинула упаковку. – Мне бы лучше скидку на те джинсы, что сейчас будет покупать парень, ... которого так сильно обидели в вашем магазине, – добавила она и строго посмотрела на начинающую краснеть кассиршу.

– Но я не делаю скидки, – начала та и прикусила язык.

Она переглянулась с консультантом, кивнула и спросила: – И сколько вы хотите?

– Пятьдесят процентов, – невозмутимо ответила Марика.

– Но... девушка!

– А давайте я позвоню вашему директору, – с улыбкой предложила Марика. – И объясню...

– Хорошо, скидка будет! – быстро сказала консультант.

– И еще вы обещали извиниться. Думаю, это отучит вас оскорблять клиентов, – добавила Марика и широко улыбнулась.

Когда они вместе с Кириллом вышли из торгового центра, то оба весело смеялись, сами не зная над чем.

– И как тебе это удалось? – спрашивал Кирилл, не сводя сияющего взгляда с девушки. – Я заплатил всего половину! Ты вообще кто? Дочка какого-нибудь итальянского мафиози?

– Что ты! – возмущалась она. – Живу в нашем городе всю свою жизнь, учусь. Я самая обычная девочка.

Но Марика лукавила. Училась она в единственном в городе платном лицее, куда доступ был детям только очень богатых горожан, а ее отцом был нынешний мэр. Он развелся с Марией Андреевной семь лет назад, но все это время не забывал дочь, всячески опекал ее и старался помочь во всем. Да и бывшую жену он поддерживал и даже дружил с ней, несмотря на то, что их брак распался из-за его измен.

– Но я тебя где-то видел, – задумчиво проговорил Кирилл.

Они в этот момент подошли к стоянке машин. Марика договорилась по телефону с матерью, что будет ждать ее здесь.

– А ты зачем глаза красишь? – спросила Марика, сделав вид, что не расслышала его последнее замечание.

– Это такой стиль, – спокойно ответил Кирилл.

– Надеюсь, не голубой! – расхохоталась она. – А то вдруг я в тебя уже влюбилась? Вот это облом будет!

Она подошла к автомобилю и навалилась на дверцу спиной, скрестив руки.

– Это твоя тачка? – изумился Кирилл, останавливаясь напротив нее.

– Нет, это моей мамы, – пояснила она. – Но ты не ответил!

– Ты слышала что-нибудь про эму? – спросил он.

– Да, – кивнула Марика. – Ты имеешь в виду страусов?

– Страусов? – изумился он. – Ага, не иначе ты думаешь о виде страус эму?

И Кирилл звонко расхохотался.

– Чего смешного? – недовольно заметила она и пожала плечами.

– Ну, во-первых, не эму, а эму, во-вторых, это молодежная субкультура. У тебя дома инет есть? Глянь там, а то долго рассказывать.

Марика кивнула и пристально посмотрела в его глаза. Кирилл нравился ей все больше своей неординарностью.

– И я не голубой, – зачем-то добавил он.

– А лет тебе сколько? – поинтересовалась Марика и мило улынулась.

– Двадцатого февраля восемнадцать будет, – важно ответил Кирилл.

– Ой, а у меня сегодня день рождения! И тоже двадцатое число! Вот совпадение!

– Поздравляю! – сказал он.

Кирилл вдруг снял шнурок с шеи и стянул с него половинку сердца. Марика с любопытством наблюдала за ним.

– Тебе, – сказал он и протянул ей украшение. – С днем рождения!

Ей стало необычайно приятно. Она взяла половинку сердца и спрятала в нагрудный карман куртки. Потом поцеловала его в щеку.

– Ты в каком районе живешь? – одновременно спросили они и засмеялись, пряча смущение.

– Я в Кукурузе, – первым ответил Кирилл.

Так негласно назывался район, застроенный хрущевками. Он располагался между двух заводов и был заселен, в основном, рабочими семьями.

– А ты? – спросил Кирилл после долгой паузы.

– На Ублёвке, – нехотя ответила Марика и поскущнула, услышав, как он тихо присвистнул.

«Ублёвкой» местные жители прозвали коттеджный поселок, выросший на окраине города возле красивого соснового бора. Вначале его звали «местной рублевкой», затем просто «рублевкой». Но через какое-то время первая буква странным образом перестала произноситься, и это название прочно вошло в обиход даже у самих «ублёвских» обитателей. Туда первое время горожане ходили на экскурсии, чтобы полюбоваться и обсудить роскошные многоэтажные особняки местных богачей, видневшиеся из-за высоких, в основной своей массе, металлических заборов. Некоторые проекты напоминали вычурностью замки из диснеевских фильмов. Но скоро любопытные сограждане начали раздражать владельцев этих замков, и территорию огородили, поставив два поста охраны. И без специального пропуска или гостевого приглашения проникнуть на Ублёвку было практически невозможно.

Кирилл прекрасно знал, кто обитает там, и поднял на Марику погрузневшие глаза.

– Давай свой тел, быстро! – сказала она и достала мобильный из кармана куртки. – А то вон, маман идет.

Кирилл растерянно назвал номер, она занесла его в память телефона. Он повернул голову и посмотрел на подходящую к ним молодую красивую женщину.

– А, вспомнил, где я тебя видел, – тихо сказал он. – Ты снималась с этой дамой в рекламе ее салона. На прошлой неделе показывали. Это и есть твоя мать?

– Да, и не вижу в этом ничего страшного, – торопливо ответила Марика и отодвинулась от него.

– Ну, я пошел! Пока! – безо всякого выражения произнес он и направился через площадь.

Марика растерянно посмотрела вслед его удаляющейся худощавой фигуре и повернулась к подошедшей матери.

– Кто это? – с подозрением поинтересовалась та. – Вроде среди твоих одноклассников такого лохматого нет.

– Так, знакомый, – пожала плечами Марика и сделала равнодушное лицо. – Случайно тут встретились.

Она коснулась пальцами кармана куртки, где лежала подаренная ей половинка сердца, и не смогла сдержать улыбку.

Когда они приехали домой, то Марика попросила ее не беспокоить до ужина и закрылась в своей комнате на втором этаже. Она разделась, потом пошла в ванную и включила душ. Забравшись под горячие струи, начала поворачиваться под их стремительным потоком, щекочущим кожу. При этом поглядывала в зеркальную стену напротив ванны. Около года назад ее тело начало стремительно меняться, и Марика относилась к этому двойственно. С одной стороны ее наливающаяся грудь, оформившаяся талия и чуть пополневшие бедра нравились ей с эстетической точки зрения. Ей доставляло удовольствие закрываться в своей комнате, раздеваться догола и подолгу стоять возле огромной зеркальной дверцы шкафа-купе. Она внимательно изучала свое тело, ей нравились его плавные, ставшие такими мягкими линии.

Но что-то внутри нее продолжало меняться, и она уже не могла вернуть того мироощущения беззаботности, той радости комфорта устроенной жизни всеобщей любимицы. Перепады настроения пугали. Марика могла смеяться без причины и через минуту рыдать, сама не зная над чем. Мария Андреевна не особо тревожилась, наблюдая за этими переменами. Она знала от своего психолога о проблемах подросткового возраста, да и прекрасно помнила себя в пятнадцать лет, ведь ей сейчас было всего тридцать четыре. К тому же ее мысли были заняты салоном, а бизнес имел для нее первостепенное значение.

Марика постояла под душем какое-то время. Но ее взгляд не отрывался от зеркала. От влаги его поверхность запотела, и контуры тела выглядели размытыми. Но все равно она придирчиво изучала свое отражение.

«Какая я? – спрашивала себя Марика. – Хорошенькая? Уродка? Красавица? Так себе, обычная девчонка?»

Марика действительно не знала ответ на этот вопрос, так как не могла объективно оценить свою внешность. Но выглядела она очень хорошенькой. Густые светло-русые волосы, достоящие до лопаток, округлое милое личико с небольшим чуть вздернутым носом, большие голубые глаза с длинными пушистыми ресницами, маленькие красиво изогнутые губы делали ее похожей на ангела с рождественских открыток. Фигурка у нее была ладной, рост пока метр шестьдесят, но Марика продолжала расти. Очень красивой была кожа – гладкая, белая, шелковистая, с небольшим количеством родинок. Марика мечтала сделать тату, но мать была категорически против, хотя у нее имелся знакомый мастер. Единственное, что она разрешила – пирсинг пупка. И даже подарила дочке на день рождения ювелирное украшение для этих целей – навелу. Прокол уже зажил, и Марика еще утром вставила золотую розочку. И сейчас любовалась ее блестящей поверхностью, без конца трогая пальцем и чему-то улыбаясь.

«У Кирилла столько пирсинга! – подумала она и коснулась мочки уха. – А у меня даже уши не проколоты! Но как это классно смотрится! И ему очень идет. Тоже хочу!»

Марика выбралась из ванны и начала тщательно вытираться. Потом пошла в комнату и первым делом достала из кармана куртки половинку сердца. Порывшись в шкатулке для украшений, нашла серебряную цепочку в виде тонкой нити. Но приложив сердечко, увидела, что металл совсем разный. Сердечко из какого-то дешевого сплава, к тому же обычная штамповка, с изящной цепочкой смотрелось негармонично. Марика села на диван и задумалась, поглаживая украшение. Ей очень хотелось немедленно надеть его. И тут она вспомнила о черном кожаном шнурке с крохотной металлической застежкой в виде крючка.

– Какая прелесть! – радостно сказала она, доставая шнурок из шкатулки. – Это как раз то, что нужно!

Марика надела украшение. Подойдя к зеркалу, восхитилась. Шнурок обхватывал шею, и половинка сердечка легла чуть ниже ямки между ключицами. Ее взгляд скользнул на пупок. И Марика нахмурилась. Золотая розочка с искрящейся капелькой бриллиантовой росинки никак не сочеталась с дешевым металлическим сердечком.

В этот момент в дверь постучали, она тут же открылась и вошла Мария Андреевна. Увидев раздетую дочь, она удивленно спросила:

– Ты только из душа? Что ты там столько времени делала?
– Что, что? – раздраженно ответила та и, открыв шкаф, сняла с вешалки розовый махровый халатик, – Мылась, что ж еще?

Марика накинула халатик и села на диван.

– А это что такое? – изумилась Мария Андреевна, подходя к ней и глядя на сердечко. – Сегодня купила? Но это же какая-то... дешевка!

Она склонилась и приподняла сердечко. Но Марика резко схватила ее за руку.

– Не трогай! – крикнула она. – Это мое!

– Что ты! – раздраженно ответила Мария Андреевна. – Да никому твоя цапка не нужна! Нравится, носи! Но я думала, что привила тебе вкус к хорошим вещам.

– Это лучшее, что у меня когда-нибудь было! – заявила Марика и упрямо поджала губы. – И вообще, я же просила меня не беспокоить до ужина!

– Никто тебя беспокоить не собирался, – явно обиделась Мария Андреевна. – Я зашла, чтобы сказать, что мне нужно срочно уехать. Но через пару часов вернусь.

– Опять салон твой? – ехидно поинтересовалась Марика. – А кто-то обещал все воскресенье со мной провести! Ладно, поезжай, а я пока в инете посижу! Но могла бы просто мне позвонить! И зачем поднималась?

– Эти вечно взвинченные тинэйджеры! – удрученно заметила Мария Андреевна, поцеловала дочь и вышла из комнаты.

Марика приблизилась к окну и отодвинула белоснежный узорчатый тюль. Она дождалась, пока машина матери выедет за ворота, взяла мобильный, улеглась на диван и набрала номер Кирилла.

– Да, – услышала она после незнакомой ей мелодии его голос и замерла от непонятного волнения.

Сглотнув, она судорожно вздохнула и ответила:

– Привет! Это Марика. Мы сегодня с тобой познакомились. И как твои новые джинсики? – глупо спросила она и засмеялась.

– А, приветик! – обрадовался Кирилл. – Да супер просто! Сидят офигенно! Заценишь?

– Когда? – обрадовалась она.

– Да хоть сегодня! – беззаботно ответил он.

– Я в Кукурузу не ходок, – после паузы ответила Марика и притихла, ожидая ответа.

– А я на Ублёвку! – расхохотался Кирилл. – Так что предлагаю встретиться на нейтральной территории. Сегодня в «Стелке» в семь играют «Шипы». Слышала о таких?

– Не-а, – ответила она после паузы.

Ее сердце заколотилось так, что даже дыхание начало сбиваться.

– Это парни из Клуба шинников, – продолжил он. – Полгода как группу организовали. Ударник – мой друган, в соседнем дворе живет. Леха зовут. Папаша его мастер на шинном заводе, вот и пособил, чтоб парням разрешили там репетировать. Они уже и на заводских вечерах выступали, только не очень-то нравится их музыка.

– А что они играют? – поинтересовалась Марика, лихорадочно думая, что надеть.

– Готик – металл, – ответил Кирилл, и она тихо засмеялась.

– Ты чего? – удивился он.

– Представляю, рабочих с шинного завода, которым играют готик – металл на заводском вечере, – начала она.

– И что? – возмутился он. – Там половина после школы пацанов, много молодежи!

– Так у нас готов в городе не так и много, – резонно заметила она взрослым тоном. – Лучше бы какой-нибудь поп-рок играли.

– Тебе-то чего? – агрессивно поинтересовался Кирилл. – Может, еще и стиль будешь им подбирать? К тому же готик – металл это вовсе не музыка только для готов, если хочешь знать! Так ты идешь или как?

– Иду! – резко ответила она. – Где, во сколько?

– Давай у памятника на площади в шесть, – предложил он.

– Оки! – согласилась она и положила трубку, тут же вскочив с дивана и подпрыгнув от восторга.

Потом бросилась к шкафу, раскрыла его и пристально посмотрела на ряд нарядов. Но ничего ее не вдохновило. Марика вспомнила странный стиль Кирилла, его явно покрашенные угольно – черные волосы, обтягивающий джемпер, темно – коричневую мешковатую потертую куртку из крупного вельвета, словно снятую с чужого плеча, квадратную матерчатую сумку на широком ремне, усеянную круглыми, казавшимися детскими значками, и вздохнула. Ее обычный вид пай – девочки из приличной обеспеченной семьи никак не соответствовал этому стилю.

«Наверняка у него и татушки есть», – почему-то подумала она и заулыбалась, представив в каких местах могут находиться татуировки.

Но тут же улыбка погасла, Марика вдруг почувствовала прилив странного волнения. Закрыв глаза, она вообразила, как мягкие губы касаются ее губ, как холодят колечки пирсинга в уголках, и обняла сама себя за плечи.

«Какой он милый», – подумала она, закрывая глаза и вспоминая его лицо и длинную челку, сквозь которую синели глаза, словно васильки, прикрытые длинными черными травинками.

Ее сердце снова сильно забилося. Но Марика очнулась, открыла глаза и начала копаться в шкафу.

«Время-то почти пять! – взволнованно размышляла она. – А я даже не знаю, в чем пойду! И он предложил встретиться у памятника. Что-то же это значит!»

И радость обожгла ее изнутри. В их городке существовала негласная традиция: влюбленные назначали первое свидание возле памятника В. И. Ленина на центральной площади.

Марика явилась минута в минуту. Большие круглые часы на Дворце творчества показывали ровно 18.00, когда она подошла к памятнику. Кирилла она заметила еще издалека. Он сидел на корточках, привалившись к постаменту спиной, обнимая колени и, по своему обыкновению, прикрыв челкой лицо. В метре от него только что встретилась какая-то парочка. Они обнимались, целовались, что-то оживленно говорили друг другу. На улице давно стемнело. Синий январский сумрак делал город сказочным и незнакомым. Марика крайне редко бывала в городе в это время, если только куда-то выезжала с матерью. Но обычно они добирались на машине до нужного места. Но чтобы гулять по улицам в одиночестве, такого с ней еще не случилось.

Марика быстро шла по скользкому от наледи асфальту, ее ноги в новых лакированных полусапожках на каблуках, разъезжались, и она, смущенно усмехаясь, с трудом удерживала равновесие. Это были ее первые сапоги на таких высоких каблуках, и Марика чувствовала себя не совсем удобно. К тому же она надела короткую красную кожаную куртку с рыжим лисьим мехом на воротнике – шальке, без спроса позаимствованную из шкафа матери, и джинсовую мини-юбку, которая, как ей казалось, задиралась все выше при каждом ее шаге. Марика обычно носила джинсы или брюки, а юбки, помимо лица, надевала крайне редко и в основном только на какие-нибудь официальные мероприятия. И сейчас чувствовала себя крайне некомфортно. Волосы она подняла в высокий хвост, глаза подвела черным карандашом, а губы накрасила блестящей малиновой помадой. Ей казалось, что она так выглядит старше и явно эффектнее. Виляя бедрами, она подошла ко все так же сидящему на корточках Кириллу. Он

увидел острые блестящие носки сапог, остановившиеся возле его белых кроссовок, и посмотрел вверх.

– Хай! – взрослым тоном произнесла Марика и приподняла правую бровь.

В этот момент она казалась сама себе опытной, выдавшей вида женщиной, к тому же в «суперовском прикиде» и с «офигенным мейкапом».

– Добрый вечер, – растерянно ответил Кирилл и встал.

Он внимательно посмотрел в лицо Марики и отчего-то начал улыбаться, что ей совершенно не понравилось.

– Давно тут? – спросила она уже другим тоном. – Я вроде не опоздала.

– Нет, минут пятнадцать, – ответил он и зачем-то взял ее за руку.

И Марике тут же захотелось снять узкие лайковые перчатки, которая она надела для солидности, хотя обычно носила цветные трикотажные.

– Пошли в клуб? – спросил он. – Или погулять хочешь?

– А не знаю, – ответила она, пожала плечами и поежилась.

Под короткую юбку поддувало, куртка была с низким вырезом, и даже не спасал густой лисий мех. К тому же Марика надела тонкую красную кофточку с глубоким декольте. Но вот про шарфик не подумала. Кирилл словно прочитал ее мысли. Он вдруг остановился, повернулся к ней лицом, снял с себя вязаный шарф в черно-розовую мелкую полоску и замотал его вокруг голой шеи Марики. Она не шелохнулась, пока он это делал.

– Так-то лучше, – пробормотал Кирилл. – А то еще простудишься. Вечером вон как подморозило!

– Спасибо, конечно, – пришла она в себя. – Но по цветовой гамме твой шарф не подходит к моему наряду.

– Снять? – спросил Кирилл, и начал улыбаться, как показалось Марике, довольно ехидно.

– Да ну тебя! – расхохоталась она и ударила его по руке. – Пошли лучше!

Спрятав подбородок в шарф, она взяла Кирилла под руку и потащила по площади. Они гуляли около получаса, болтая на самые разные темы. Потом пришли к «Стрелке».

Это воскресенье было по негласному расписанию для готов. Когда они спустились в клуб, те уже начали собираться. Среди друзей Марики не было ни одного гота. Она вообще практически не общалась с представителями тусовок, живя в довольно замкнутом мире и проводя время в лицее, дома или на закрытых вечеринках таких же, как и она «ублёвских» детей. А на каникулы Марика, как правило, уезжала за границу. С матерью она побывала на Мальдивах, в Японии, Гонконге, Турции, а с отцом неоднократно выезжала в Европу. Родители считали, что для нее главное получить хорошее образование, затем найти подходящую партию для брака. Мать мечтала впоследствии передать ей свое дело, но отец хотел, чтобы Марика уехала из родного города и устроилась где-нибудь в столице. И они всячески ограждали ее от общения с местными ребятами, считая, что ничего хорошего это ей не принесет. И в «Стрелку» она попала впервые, но ей было почему-то стыдно сказать об этом Кириллу.

Они сдали куртки в гардероб и прошли в зал. Марика с любопытством оглядывалась по сторонам. Она решила не снимать шарф Кирилла. И нервно теребила кисточки или наматывала их на пальцы. Ее удивило, что зал был практически полон, причем готов было не так и много. В клубе собрались обычные на вид ребята, и они занимали большую часть столиков.

– Сколько пацанов с шинного-то набралось, – заметил Кирилл, здороваясь почти со всеми. – Пришли полюбоваться на свою группу.

– А эти «Шипы» давно существуют? – поинтересовалась Марика из вежливости. – И почему они выбрали такой стиль, как готик – металл?

– Знаешь, дарлинг, они и не выбирали никакого стиля, – нехотя начал Кирилл, – просто стали играть то, что им нравилось. Причем Лехе нравился хард, солисту – ска, а гитаристам вообще рэп. Но потом решили, что «готик» это круче всего и резко поменяли стиль.

«Дарлинг? – отметила про себя Марика. – Я уже стала для него «дорогая»?»

На душе потеплело, сердце забилося сильнее, и она не смогла сдержать улыбку.

Они направились к двум сдвинутым столикам в углу зала возле сцены. Там сосредоточились готы. Они были в традиционно черной одежде, и Марике показалось, что в этом углу собралась стая огромных воронов. Она даже поежилась от неприятного холодка, пробежавшего по спине. Когда они подошли, Кирилл поздоровался со всеми, потом представил Марику. Она улыбнулась немного беспомощно, чувствуя себя не в своей тарелке. Парни и девушки выглядели практически одинаково и на ее взгляд крайне дико. Особенно неприятно было смотреть на их белые линзы. Глаза казались мертвыми, но с точками живых зрачков. Густая черная подводка только усиливала впечатление. Готы были увешаны металлическими цепями, черепами, звездами, желтоватыми пластмассовыми скелетами. На одной девушке Марика заметила висящее на толстой длинной цепочке украшение в виде серебряного гроба, из-под приоткрытой крышки которого торчал череп.

– Кирюфка, приветик! – услышала она в этот момент звонкий девичий голос и обернулась.

К ним подошла девушка, на вид ровесница Кирилла. Марика окинула ее цепким взглядом. На той были узкие черные джинсы, белые кеды с толстыми розовыми шнурками, розовая обтягивающая футболка с рисунком из разорванного пополам фиолетового сердца, на запястьях множество разноцветных веревочных браслетов-снэпов. Темно-каштановые волосы обхватывал широкий фиолетовый обруч, на котором смешно прилепился крохотный плюшевый мишка. У девушки было приятное миловидное лицо с карими глазами, подведенными жирным темно-коричневым карандашом, и пухлыми губами, покрытыми светло-сиреневым блеском. На крыле левой ноздри поблескивал шарик ностриллы. На плече висел рюкзачок со множеством значков. На его ремне болтался серый плюшевый мишка.

– Приветик, Ирочка! – ответил Кирилл и поцеловал девушку в щеку.

Марика нахмурилась. Она неожиданно поняла, что дико ревнует. И ей стало неприятно. Она с трудом удержалась от колкого замечания. Но Кирилл улыбался безмятежно. Он быстро познакомил их, и они заняли столик возле готы.

– Что будем пить? – поинтересовался он.

– А тут есть коктейли? – тоном пресыщенной клубной жизнью тусовщицы спросила Марика. – Мне нравится «Голубая лагуна». Ну и «Маргариту» я тоже люблю, только клубничную.

– Мы – эмо и, если ты не в курсе, не употребляем алкоголь, – сообщила Ирочка и посмотрела на нее с неприкрытой неприязнью.

– Тогда я буду пепси, но лайт, – сказала Марика и украдкой глянула на Кирилла.

– А я виноградный сок, – добавила Ирочка и тоже посмотрела на него.

– Оки, девочки, – кивнул Кирилл и пошел в бар.

– А ты, вижу, вовсе не эмо-гёрл, – констатировала Ирочка.

Она улыбалась, но в ее глазах сквозил холодок. Марике стыдно было сознаться, что она только сегодня впервые услышала об эмо от Кирилла и понятия не имеет, что это за течение.

– Нет, – тихо ответила она.

– Ну, это все индивидуально, – спокойно проговорила Ирочка. – К тому же это направление моды не всем нравится, тем более в нашем захолустье. Не говоря о самой субкультуре!

– А ты откуда знаешь Кирилла? – поинтересовалась Марика нарочито равнодушным тоном, хотя ревность не давала ей покоя.

– Так мы в одном классе учимся, и живем в соседних домах, – улыбнулась Ирочка. – А ты вроде не из нашей школы. Хотя твое лицо мне кажется знакомым.

«Сейчас она тоже вспомнит, что видела рекламу мамочкиного салона с моим участием», – с непонятной тоской подумала Марику и опустила глаза. Но в этот момент вернулся Кирилл с бокалами. Разговор перешел на общие темы.

Тут появились музыканты, одетые в готическом стиле, и начали настраивать звук. Ударник по имени Леха, друг Кирилла, увидел их и соскочил со сцены. Выглядел он, по правде говоря, смешно. Готический стиль плохо сочетался с его веснушчатым простоватым лицом, на котором выделялся широкий приплюснутый нос и пухлые красные губы. Редкие русые волосы перекрашивать в черный цвет Леха не захотел. И на концерты густо мазал их гелем. Они торчали в разные стороны и делали его похожим на лысеющего дикобраза. Небольшие серые глаза, с черной подводкой и красными тенями, густо наложенными на верхние веки, выглядели почему-то от такого макияжа явно меньше и опухшими. Никакой мистики тут и не пахло. Леха даже в этом образе продолжал оставаться простым рабочим парнем с веселым открытым характером. Он, радостно улыбаясь, подошел к столику.

– Приветствую единственных в нашем городе настоящих эмо-кидов! – торжественно произнес он. – Хотя, вижу, что появились еще!

К их столику подходили два парня и девушка. Они выглядели практически как Кирилл и Ирочка.

– Смотри-ка, – заметил Леха, – как быстро мода охватывает... все слои населения.

И он цепко глянул на Марику. Она чувствовала себя все неудобнее.

– И нам, то есть «Шипам», пора задуматься, а в правильном ли мы движемся направлении? – добавил он. – Эмо-кор очень интересно, хоть и далеко не ново!

– Ага! – расхохотался Кирилл. – Давайте, еще разок поменяйте стиль!

Он поздоровался с подошедшими ребятами и быстро представил им Марику.

– Можно тебя на минутку? – сказал Леха.

Они отошли к сцене.

– Ты зачем ее сюда притащил? – тихо спросил Леха. – Я эту Марику сразу узнал, несмотря на дикий раскрас! Она по ящику не раз мелькала... с матерью, да и с отцом я ее видел на каком-то митинге. Ты соображаешь, чья она дочь? Да ее папаня – мэр башку тебе отвернет и не задумается! В принципе и мать на это способна. И вообще, где ты ее подцепил? Ну и видок у этой «ублёвочки»! Прямо хоть сейчас на панель!

– Прекрати! – осадил его Кирилл. – Она классная девчонка, хоть и с Ублёвки.

– Может она и классная девчонка, – серьезным тоном заметил Леха, – но для тебя она одна сплошная проблема.

– Не вижу проблемы, – отмахнулся тот. – А вижу милую приятную девочку, с которой лично мне легко общаться.

– Я тебя предупредил, – не унимался Леха. – Мы с тобой дружим чуть ли не всю жизнь. И я тебя все-таки старше!

– Ой, не могу! – расхохотался Кирилл. – На целый год!

– И что? Зато я уже работаю на заводе, а вот ты только школу в этом году закончишь. Ты, кстати, чего решил? Может, к нам на шинный? Я с мастером переговорю, в наш цех всегда ученики требуются.

– Не знаю пока, – поскущел Кирилл. – Не решил!

– А ведь уже конец января, – укоризненно заметил Леха. – Так что думай скорей!

– Слушаюсь, старший наставник! – улыбнулся тот.

– И с Марикой этой... того! Я ведь заметил, что на ней твой шарф, а под ним твой кулон. Ты же сам мне не раз говорил, что как только встретишь ту самую девочку, так сразу подаришь ей половинку сердечка. Помнишь?

– Да это так... спонтанно получилось, – нехотя ответил Кирилл, но заулыбался.

– Значит, уже встретил! – не слушая его, продолжил Леха. – А ведь и все не дураки! Раз вы с одинаковыми сердечками, то что-то это означает!

– Лех! Ты долго? – раздался голос со сцены. – Пора начинать!

И Леха прекратил разговор и отправился к музыкантам.

Они начали выступление под дружные аплодисменты собравшихся. Кирилл сел рядом с Марикой и обнял ее за плечи. Она вначале напряглась от такого явного внимания, но потом расслабилась и даже привалилась головой к его плечу. Правда, скоро они встали, подошли к сцене и начали танцевать вместе с остальными.

После концерта – а он закончился около девяти вечера – компания готов решила не сидеть в прокуренном помещении клуба, а отправиться погулять на местное кладбище. Ночь обещала быть ясной, половинка луны серебристо светила сквозь редкие облака. Эмо-киды вышли вместе с ними, но присоединиться отказались. Марика смотрела на удаляющихся готов. Они быстро шли по площади, залитой тусклым светом редких фонарей. Их растрепанные волосы, распахнутые куртки и у некоторых длинные черные плащи развевались от быстрого движения. И они казались стаяй черных птиц.

Домой она попала около десяти вечера. Кирилл хотел проводить ее до особняка, но она, зная, как ублюдцы относятся к кукурузникам, запретила ему это делать. Они дошли вместе только до начала длинного высокого забора, ограждающего территорию. Марика не разрешила ему даже проводить ее до первого поста охраны.

– Спасибо за концерт, – тихо сказала она, останавливаясь на дороге и поворачиваясь к Кириллу.

– Не за что, – улыбнулся он. – Сходим еще как-нибудь, да?

Но Марика промолчала.

– Позвоню, – сказала она после затянувшей паузы, во время которой они, не отрываясь, смотрели друг на друга.

– Давай, – кивнул Кирилл, быстро коснулся губами ее щеки, отвернулся и пошел прочь.

Марика посмотрела ему вслед и погладила пальцами щеку, на которой, казалось, все еще горел его поцелуй. Она задела рукой за ткань шарфа, вздрогнула и крикнула:

– Кирюш!

Он обернулся и побежал к ней. Подлетев, обнял и начал целовать. Его губы касались ее щек, волос, губ, подбородка, пальцы гладили волосы. И она задышалась от счастья, неумело отвечая ему.

– Люблю тебя, – шептал он, – люблю! Как только увидел, понял – люблю, люблю!

Марика замирала, слушая эти слова. И в какой-то миг, ее душа распахнулась, словно бутон, сомкнутые лепестки которого согрел живой лучик восходящего солнца. Жар, разливающийся внутри нее, показался ей пылающим алым цветком. Никогда и ни к кому она не испытывала ничего подобного. И Марика тихо произнесла, оторвавшись от Кирилла:

– Я люблю тебя.

Он отстранился от нее, но пальцы продолжали гладить волосы, и молча смотрел в глаза, словно не веря тому, что услышал.

– Я тоже люблю тебя, – более уверенно повторила Марика и жарко покраснела.

И Кирилл поцеловал ее в губы так крепко, что у нее закружилась голова. Когда они расцепили объятия, Марика улыбнулась, стянула с шеи шарф и тихо сказала:

– Вот, ты забыл.

Кирилл взял шарф, не сводя с нее глаз. Потом резко отвернулся и ушел. А Марика побежала домой, обуреваемая эмоциями, опьяняющими душу.

Мария Андреевна сидела в гостиной на первом этаже. Когда Марика ворвалась в дом, она сурово на нее посмотрела и поинтересовалась, почему та выключила телефон и где она была столько времени.

– Я обзвонила всех твоих подруг, – начала Мария Андреева голосом не предвещавшим ничего хорошего. – Я уже хотела сообщить отцу, что ты исчезла, хотела обратиться в силовые структуры. Как же наш праздничный ужин? Ладно, я пошла тебе навстречу и не стала сегодня собирать гостей. Но ведь мы же хотели вдвоем отметить!

Марика подошла к ней и виновато посмотрела в глаза. Она хотела что-нибудь придумать, но увидев, что обычно невозмутимое лицо матери искажено и даже покрылось красными пятнами, испугалась. К тому же Марика понимала, что утаить правду все равно не получится. Слишком заметной фигурой она была в их маленьком городке, и матери уже завтра доложат, где ее видели и с кем.

– Итак, юная леди, – сказала Мария Андреевна и строго посмотрела в ее глаза, – где вы были? Почему вы надели без разрешения мою вещь и что это за дикий вульгарный макияж? И с кем вы были?

Марика стянула куртку и положила ее в кресло. Потом села напротив матери и улыбнулась.

– Понимаешь, мам, – с воодушевлением начала она, – это так все случайно получилось. Меня пригласили в «Стрелку» на концерт, только и всего. Ну, я и подумала, почему бы мне не пойти? Ведь сегодня я могу делать все, что хочу! Вот и решила сделать себе такой подарок! И накрутила соответственно. Ты же знаешь, что там за публика. А телефон, видимо, разрядился, я и не смотрела. А куртку твою почему-то захотелось надеть. Она такая красивая! Чего тут такого?

– Я не знаю, что там за публика, – сурово произнесла Мария Андреевна. – И знать не хочу! Сколько можно говорить, что тебе там не место!

– Ну почему, мамуля? – спросила Марика умильным голоском и подошла к дивану.

Она присела на корточки перед Марией Андреевной и заглянула снизу ей в глаза. Та начала распускать ее волосы, туго затянутые в высокий хвост.

– И что это за прическа? Это не твой стиль! А макияж? Ты похожа на заштатную стриптизершу на выезде!

– Не буду больше, – покорно ответила Марика. И после паузы вкрадчиво спросила: – Я вот думаю цвет волос поменять. Что скажешь? В твоём салоне мне могут это сделать щадящим методом?

– Это еще зачем? – изумилась Мария Андреевна. – У тебя свой очень красивый и редкий оттенок. Обычно русые волосы отдают в серый, а у тебя в золотистый.

– Хочу поменять что-то в себе, – упрямо сказала Марика. – Надоела и эта длина и этот цвет! Мам! – капризно добавила она. – Ты же знаешь, у меня сейчас сложный подростковый период. Себя что ли забыла в этом возрасте? Но ты ведь еще совсем молодая, должна помнить!

Увидев, что Мария Андреевна начала улыбаться, она продолжила:

– Или ты хочешь, чтобы я сама себя подстригла и покрасила?

– Боже упаси! – не на шутку испугалась та. – А жалеть не будешь?

– Нет, что ты! Хочу немедленно!

– Ну, сегодня уже явно поздно, – усмехнулась Мария Андреевна.

– Тогда завтра!

– Ну что с тобой поделаешь? Я договорюсь с Антониной, она лучший колорист у меня в салоне. Просто чуть светлее, да? – уточнила она. – Можно эффект выгоревших прядей. Тебе пойдет.

– Я с мастером посоветуюсь, – важно проговорила Марика и поцеловала ее в щеку.

Она соскочила и хотела уйти, но Мария Андреевна схватила ее за руку.

– погоди! – строго сказала она. – Ты мне так и не ответила, с кем была! А то не разрешу красить волосы! – пригрозила она.

– С Кириллом, – нарочито спокойным тоном ответила Марика. – Обычный школьник, в одиннадцатом классе учится, правда, не в нашем лице. Ну и что? Вполне приличный мальчик, как и его друзья, – зачем-то добавила она. – Mam, я голодна! Где мой праздничный торт со свечами? – капризно спросила Марика, пытаясь перевести разговор на другую тему.

– А как его фамилия? – продолжила расспросы Мария Андреевна. – И кто его родители?

– Да откуда я знаю! – пожала плечами Марика. – Меня это как-то не особо интересовало. Я сегодня дождусь ужина или как?

– Ладно, переоденься и смой, пожалуйста, этот дикий макияж. Жду тебя в столовой.

Марика появилась через полчаса. Она надела элегантное светло-серое платье, которое мать привезла ей из последней поездки в Рим, зачесала волосы назад, тщательно умылась и выглядела как благовоспитанная и утонченная барышня. Мария Андреевна довольно улыбнулась, увидев, как преобразилась Марика. Они уселись за празднично накрытый стол. Домработница уже ушла, и они были одни.

– Иногда жалеешь, что в доме нет мужчины, – тихо заметила Мария Андреевна, пытаясь открыть бутылку французского шампанского.

– Кстати, мамуль, а почему его все еще нет? – поинтересовалась Марика и внимательно посмотрела на порозовевшее лицо матери.

Пробка в этот момент выскочила, Мария Андреевна налила шампанское в свой бокал.

– А тебе сок, – мягко проговорила она.

– Да я и не хочу, – улыбнулась Марика. – Меня к алкоголю вообще не тянет. И я не понимаю, в чем тут кайф. Помнишь, я попробовала год назад пить вино на дне рождения одноклассницы? И как же мне было потом плохо! Ужас один! Рвало, наверно, с полчаса без перерыва!

– Не за столом таки подробности! – укоризненно заметила Мария Андреевна. – Помню, конечно! – улыбнулась она и подняла бокал. – За тебя, дочурка!

Марика молча наблюдала, как она пьет шампанское, потом спросила:

– И все-таки, мам, почему у нас в доме все еще нет мужчины? Вы с отцом в разводе, ты молода, красива, успешна. Мы никогда не говорили об этом. Я совсем взрослая!

«И к тому же я так сильно влюбилась именно сегодня! И какие-то вещи вдруг стали понятными, словно в глаз спала пелена», – чуть не добавила Марика, но вовремя прикусила язык.

– Пока я не вижу достойного кандидата, – после паузы ответила Мария Андреевна. – Я после школы сразу вышла замуж и по большой любви. Твой отец, сама знаешь, старше меня на много. И я буквально пала жертвой его ума, обаяния, опыта. Родилась ты, и я была абсолютно счастлива. Но твой отец настоял, чтобы я поступила в медицинский, получила профессию, потому что он всегда считал, что жена и мать это не профессия для женщины, а ее призвание.

– Неординарно! – заметила Марика. – В нашем ублёвском мирке женщины, в основном, сидят по домам.

– И тупеют от безделья, – добавила Мария Андреевна и налила шампанское в опустевший бокал. – Но твой отец всегда был неординарным человеком. И как видишь, он оказался прав! Если бы я заиклилась на семье, то трудно представить, что стало бы со мной после развода. А так у меня свой бизнес, мне есть чем заняться, и я от этого получаю удовольствие. Любовь, конечно, всегда прекрасно, но нельзя строить свое счастье только на любви. Это верный путь к разочарованиям.

Марика внимательно слушала рассуждения матери. Впервые с ней говорили так серьезно, и это льстило ее самолюбию. Мария Андреевна словно спустилась со своего пьедестала, встала с ней на один уровень и превратилась в подружку.

– Ты боишься новых разочарований? – предположила она, видя, что мать молчит и думает о чем-то своем.

– Мужчины довольно странные создания, – ответила Мария Андреевна. – Мы с твоим отцом любили друг друга, я это точно знаю. Но отчего-то его чувство прошло, хотя он клялся, что будет любить вечно и только меня. Но появилась другая женщина, затем еще и еще. И это обычная история для мужчин. Такая уж у них натура кобе...

Она осеклась и виновато посмотрела на Марику.

– Впрочем, тебе этого пока не понять, – добавила она совсем другим тоном.

Марика мгновенно надулась, почувствовав, что дистанция между ними вновь восстановлена. Она опустила глаза, пододвинула к себе тарелочку с куском праздничного торта и начала ковырять его вилкой.

«А вот Кирушка совсем не такой, – подумала она, чувствуя, как вновь поднимается настроение. – Он искренний! И не скрывает свои эмоции. И он меня любит! Любит! И никогда не разлюбит! В этом я не сомневаюсь. И я его!»

Она закрыла глаза.

– Марика, ау! – сказала Мария Андреевна. – Ты где?

– Чаю хочу, – ответила Марика, приходя в себя, и встала.

– Я принесу! – предложила Мария Андреевна.

– Я сама, мамочка! – улыбнулась она и вышла из столовой.

На кухне включила чайник и села за стол. Ее взгляд бездумно скользил по мебели ручной работы из некрашенной сосны, по многочисленным сервизам, поблескивающим за стеклянными дверцами шкафчиков, по электроплите последней модели с сенсорным управлением, по нарядным шторам, сшитым по индивидуальному заказу. И вдруг она подумала, что Кирилл живет в Кукурузе, в старой хрущевке, его кухня наверняка выглядит совсем по – другому, и странная грусть сжала сердце. И в то же время ей невыносимо захотелось побывать у него в гостях, посмотреть на его дом, познакомиться с родными.

Мария Андреевна словно читала ее мысли, и когда Марика вернулась в столовую с подносом, на котором стояли чашки и заварочный чайник, она пристально посмотрела на дочь и мягко спросила:

– А вот этот мальчик, Кирилл, кажется, с которым ты сегодня познакомилась, да еще и успела сходить в клуб, он где живет?

Марика от неожиданности вздрогнула и чуть не уронила поднос.

– Хотелось бы знать, – продолжила Мария Андреевна. – Ты пойми меня, дочь, правильно! Я не собираюсь жестко контролировать тебя, но все-таки лучше, если я буду знать, с кем ты общаешься.

– В Кукурузе, – после паузы нехотя ответила Марика и села за стол напротив матери. – И что? – с вызовом спросила она.

– Ох, дорогая моя, – со вздохом ответила Мария Андреевна, – социальные различия часто бывают непреодолимы. Но ты пока этого не понимаешь!

– Чего? – спросила Марика и расхохоталась. – Ну, расскажи мне о бедных и богатых! Неужели все это имеет хоть какое-то значение, если люди...

И она замолчала, потому что испугалась того, что чуть не сказала. Признаться сейчас матери, что они с Кириллом полюбили друг друга с первого взгляда, было опасно. И Марика вовремя остановилась.

– Что люди? – с любопытством спросила Мария Андреевна.

– Легко находят общий язык, – вывернулась Марика.

– Ну, это вы пока юные, – заметила та. – Да и темы для разговора примерно одни и те же в этом возрасте.

– Вот и я о том, мамочка! Так что не грузись! – сказала Марика и встала. – Спасибо за ужин, пойду к себе! А то устала сегодня!

– Хорошо, – неуверенно ответила Мария Андреевна.

Марика чмокнула ее в щеку и отправилась на второй этаж.

Зайдя в свою комнату, она плотно закрыла двери. Потом села за стол, включила компьютер и зашла в Интернет. Ей не терпелось узнать про эмо. Ведь ее любимый принадлежал к этой тусовке, и Марика хотела знать все о его увлечении, а, может, даже и о мировоззрении. Набрав в поисковике слово «эмо», начала изучать появившиеся ссылки. К ее удивлению их было предостаточно.

«Ох, и темная же я оказалась девушка! – сокрушалась про себя Марика, открывая одну ссылку за другой и изучая информацию. – Эмо полно в мире, и уже, как я вижу, давным-давно они существуют».

Она мельком проглядывала тексты.

«Подростки в черно-розовой одежде с опущенной на пол-лица челкой, преимущественно в депрессивном настроении и до ужаса похожие друг на друга. И это все, что знают непосвященные о субкультуре эмо...»

«Эмо – сокращение от «эмоциональный» – термин, обозначающий особый вид музыкального стиля хард-кор, основанного на сокрушительно сильных эмоциях в голосе вокалиста и мелодичной, но иногда хаотичной музыкальной составляющей...»

«...по некоторым данным течение „эмо“ образовалось в 1980-х...в Вашингтоне...»

«На сегодняшний день известно несколько под-стилей: эмо-кор, эмо-рок, кибер-эмо, панк-эмо, эмо-вайоленс, скримо, френч-эмокор, хардкор-сан-диего и др. Поклонники эмо-музыки, выделяемые в особую субкультуру, называются эмо-кидами».

«...эмо-стиль распространился не только на музыку, но и на одежду. Прическа – волосы, выкрашенные в черный цвет, челка должна прикрывать половину лица. Сзади прическа должна быть слегка взлохмачена. Глаза подведены как у девочек, так и у мальчиков черной линией, для губ светло-розовый блеск, для ногтей – черный или серебристый лак, пирсинг и тату желательны...»

«...тонкие кофты очень маленького размера с верхним рядом пуговиц и воротником или майки детского размера со случайными лозунгами на них или со спортивными номерами на спине. Еще один яркий атрибут – шарф, желательно ярких расцветок, или сочетающий два цвета, например черный и розовый...»

«Обычным людям кажется, что эмо и готы – одно и то же. Но это поверхностный взгляд на два течения. Эмо – это эмоциональные подростки, всем своим видом противопоставляющие себя взрослому миру с его ложными стереотипами, которым так не хватает любви, понимания, внимания...»

«... черный цвет эмо выбрали, так же как и готы, для символизма. Это цвет скрытности, защиты, барьера. Но наличие в стиле эмо ярких цветов говорит о том, что в их сердцах живет яркий мир. У них нет ничего общего с готами, которые по возрасту старше. Эмо выступают против зла и насилия. В них нет ничего темного и мистического, как в готах. Эмо не понимают или просто не хотят понимать многих законов этого взрослого и жестокого, по их мнению, мира, они хотят жить спокойно и в гармонии. От этого мира эмо и отгораживаются своими челками...»

«Самое главное стремление эмо-кида – найти большую чистую любовь. Влюбившись, они отдаются всепоглощающему чувству. Любовь – это идеальное чувство, которое нельзя скрывать, уверяют эмо-киды. Поэтому, если сердце разрывается на куски, эмо не будет молчать об этом – он будет открыто грустить, переживать...»

Марика оторвалась от монитора и невидяще посмотрела в стену. Даже той информации, что она прочитала, хватило, чтобы кое-что понять о стиле Кирилла. Она тут же подумала, что наверняка выглядит отсталой в его глазах, свернула окна на мониторе и ринулась к шкафу.

Раскрыв его, начала перебирать вешалки. Увидев давно забытый свитерок в мелкую черно-сиреневую полоску, она выхватила его и приложила к себе перед зеркалом. Повертевшись, откинула его в сторону.

«Завтра же пробежусь по магазинам, – озабоченно думала Марика, копаясь в шкафу. – Хотя чего тут можно найти, в нашем заштатном городишке? Но узкие джинсы-скинни, как у Кирилла, приобрету! Там вроде и мой размер был! Дай-ка позвоню ему!» – мелькнула мысль.

Марика бросила на кресло розовую спортивную майку, которую только что достала с полки, и взяла телефон. Она уселась на диван и набрала номер. Кусая от волнения губы, ждала ответа.

– Я соскучился, – раздался голос Кирилла, и она тихо рассмеялась от радости.

– И я, – ответила Марика и чмокнула трубку.

Услышав в ответ такое же чмокание, улыбнулась и смутилась.

– От матери не попало? – спросил он после паузы.

– Не-а, – сказала она. – Конечно, позвонить ей нужно было, предупредить.

– А ты разве без спроса? – удивился Кирилл. – Представляю, как тебе влетело!

– Нет, что ты! – возразила она. – Мама меня любит. А ты завтра учишься?

– Ага, а как же! – засмеялся он. – Куда ж я денусь!

– И я учусь! – засмеялась она. – Но хочу завтра после занятий такие же, как у тебя джинсы купить. Пойдешь со мной?

– Договорились! – явно обрадовался Кирилл. – Часа в четыре в самый раз. Удобно тебе?

– В самый раз! – повторила она за ним. – Тогда до созвона?

– Оки! – согласился он.

Возникшая затем пауза была мучительной для обоих. То, что произошло сегодня, казалось невероятным и уже далеким сном. Но Марика с нетерпением ждала, что Кирилл вновь и прямо сейчас признается ей в любви. До этого ей еще никто не говорил таких слов. Но Кирилл молчал.

– Ну, до завтра? – тихо спросила она.

– Да, целую, спи крепко, – ответил он.

– И я тебя целую! – сказала Марика и положила трубку.

Ей стало отчего-то так грустно, что слезы выступили.

«Что это со мной? – удивилась она, вытирая глаза. – Я, наверное, по сути, и есть самая настоящая эмо!»

И Марика улыбнулась этой странной мысли и вернулась к компьютеру. Она развернула окно и стала читать сообщения с одного эмо – форума.

«Да он вообще... Может просто так подойти и ударить... У него цель в жизни убить всех эмо! А я единственная в школе люблю эмо музыку! А он однажды вообще с плакатом в школу пришел! Там было написано что то типа „Эмо умри, вы не имеете право на жизнь!“

Давай улетим высоко, высоко.

Давай убежим далеко, далеко».

«Эмо сакс! Вы всё содрали у хардокршиков и панков!!! Нытики хреновы!!! Только рыдать в уголке и можете!!! ЭМО УБЕЙСЯ!!!»

«Все говорят что я странный потому что я другой, а я говорю, что странные вы, потому что вы одинаковые. Мы ЭМО другие, новые люди, нового поколения, и мы выбираем яркую жизнь, и никто не вправе осуждать нас. Тем более всякие гопы и ска!»

«Слышь, ты, эмо! Знаем мы ваши развлечения! Ноете всегда, потом сопельки на челку свою наматываете, а когда вас кто-нить бросит, так вы сразу вены резать и все кровью своей розовой заливать! Лучше прыгайте с крыш!»

«Я тоже собирался уходить (маленький шрамик на левом запястье все еще) – но передумал...»

«у эмоkids свои мировоззрения, они живут, как им хочется... и я честно им завидую. Вы думаете, это тупые плаксы, которые прожигают жизнь и тупо фотают себя сверху... да это так! Но они же не трогают другие субкультуры, так и вы их не трогайте...»

«Вот сейчас собираюсь в школу! Снова его увижу! Почему все ска так ненавидят эмо? Надеюсь, он скоро уйдет из нашей школы! Ладно, если сегодня выживу, то напишу сюда еще».

«Какая разница кто как одевается и кто что слушает?! Все мы ЛЮДИ! только разные, в каждом из нас живет частичка эмо. И прежде чем обсирать, поймите, что ЭМОции это самое честное, что есть в человеке!!! И я уважаю ЭМО!»

На следующий день Марика встала рано и решила первым делом покрасить волосы в черный цвет и сделать эмо – прическу. Она мечтала удивить Кирилла. Но вот как сказать об этом матери, пока придумать не могла. Мария Андреевна согласилась вчера только на то, чтобы она подрезала концы волос и слегка осветлила их, придав более золотистый оттенок. И Марика знала, что ни один мастер ее салона не согласится пойти ей наперекор.

«И что мне делать? – размышляла она, стоя в душе под горячими струями. – Может, как-нибудь убедить?»

Во время завтрака Марика была молчалива. Мария Андреевна поглядывала на нее с удивлением, но ни о чем не расспрашивала. После того, как они выпили кофе, Марика сказала, что после занятий сразу в салон не поедет, хочет сначала зайти в торговый центр.

– Хорошо, – с недоумением ответила Мария Андреевна. – А чего ты вчера ничего не стала покупать, кроме тех смешных маечек? Вряд ли за ночь там появилось что-нибудь новенькое, – добавила она и улыбнулась.

– Так, посмотреть, – уклончиво ответила она. – Свитерок один понравился, но вчера что-то долго думала.

– Хорошо, – кивнула Мария Андреевна. – Тогда, как закончишь свои покупки, позвони мне. А я Антонину освобожу к твоему приходу.

– Договорились, – легко согласилась Марика, чмокнула ее в щеку и начала собираться в лицей.

Занятия закончились в половине второго. Она вышла на улицу и сразу позвонила Кириллу.

– Привет! – торопливо ответил он. – Я сейчас не могу разговаривать. Давай в пять у памятника. Оки?

– В пять? – разочарованно протянула она. – Ты ж сказал, в четыре уже сможешь.

И тут же прикусила язык. Получалось, что она сама напрашивалась на свидание, да еще и показывала, как ей не терпится.

– Солнышко, – ласково сказал Кирилл, и она сразу заулыбалась от счастья. – Мне отцу в гараже помочь нужно. И это срочно. Я сейчас с ним, поэтому неудобно говорить, и поэтому раньше не смогу. Оки? Целую твой славный носик! Не опаздывай!

– До встречи! – тихо ответила она и убрала телефон в сумку.

«Так, немедленно переодеваться, – лихорадочно думала Марика, почти бегом устремившись к машине. – Не могу же я пойти в этой форме!»

Два года назад новый директор лицея решил одеть воспитанников в форменную одежду. На девочек сшили клетчатые сине-серые юбки, голубые блузки и синие пиджаки. Так же они носили аккуратные темно-синие галстучки. Допускалось только менять блузки на белые или светло-серые. В городе лицеистов тут же прозвали «синими воротничками», но так как они редко ходили по улицам в такой одежде, к тому же за всеми приезжали на машинах, и они после занятий сразу отправлялись на Ублёвку, то скоро все забыли это прозвище. И осталось привычное «ублёвские». Марику обычно отвозил домой или водитель отца на служебной машине или мать на своей. Мария Андреевна совмещала это со своим обеденным перерывом. Но сегодня Марика поехала вместе с девочкой из параллельного класса и была этому очень рада. Девочка жила через два дома от них. Но Марика попросила довести ее до ворот своего дома, так как с ума сходила от волнения. Она хотела успеть изменить имидж до назначенного времени. Выбежав по лестнице на второй этаж и по пути крикнув домработнице, что обедать не будет, Марика влетела в свою комнату и начала срывать с себя одежду. Побросав ее на диван, кинулась в ванную. Едва просушив волосы феном, натянула на себя кофточку в сиренево-черную полоску и синие джинсы. Надев белые кроссовки и черную куртку с капюшоном, отороченным белым песком, Марика стремительно спустилась по лестнице. Выбежав за ворота, она вдруг осознала, что ей не на чем ехать в город. Но это ее не остановило, и Марика устремилась по улице между особняков. На ее счастье ее догнал джип, в котором ехал парень, сын их соседей. Он и довез Марику до центра.

Но она не пошла в салон матери, а пересекла площадь и решительно направилась за клуб «Стрелка» в узкий переулок. Марика знала, что примерно через два квартала находится парикмахерская эконо́м – класса. Быстро найдя ее, Марика глянула на обшарпанный трехэтажный дом, в котором та располагалась. Из-за угла в этот момент вывернули два парня, на вид обычные заводские ребята, и, пошатываясь, направились к ней. Марика поняла, что они в сильном подпитии, не стала дожидаться их приближения и открыла двери парикмахерской. Запах ей не понравился, но она решительно двинулась в маленький коридор, покрашенный унылой коричневой краской. На деревянной скамейке, казалось, притащенной сюда из ближайшего сквера, сидела пожилая женщина и читала какой-то потрепанный журнал. Она не обратила на девушку никакого внимания.

– Вы последняя? – все-таки осведомилась та.

– Иди, а я свою парикмахершу жду, – ответила женщина, не отрывая глаз от журнала. – А то тут так «химию» могут сделать, что вообще лысой останешься, – добавила она и перевернула страницу.

Марика на миг замерла. В этот момент дверь распахнулась, и в коридор ввалились давешние пьяные парни.

– О! – радостно осклабились они. – А эта куколка здесь!

Марика тут же открыла дверь в зал и плотно захлопнула ее за собой. Парикмахерская представляла собой небольшое продолговатое помещение, пол которого почти полностью покрывали состриженные волосы. Мастеров было четверо. Две грузные пожилые женщины, молоденькая высокая девушка, и седой кавказского вида мужчина. Одна «парикмахерша» закручивала на мелкие бигуди волосы сидящей в кресле рыжеволосой и полной девушки. Мужчина брил в этот момент голову крупного накачанного парня, остальные были свободны. И обе посмотрели на вошедшую Марику.

– На стрижку? – быстро спросила девушка и смахнула полотенцем со своего кресла остатки волос.

– Да, – кивнула Марика, снимая куртку и вешая ее в угол на чье-то пальто, так как все крючки были заняты. – Но мыть не нужно, – добавила она.

– А мы и не моем, – усмехнулась пожилая женщина. – Это же эконом-класс! Ты, наверное, не туда попала! Моют в салоне на центральной площади.

– Да мне и не надо мыть, я же сказала! – раздраженно заметила Марика и села в кресло. Девушка подошла к ней, надела пенный и распустила волосы.

– Что хотим? – поинтересовалась она, перебирая концы прядей.

– Стрижку, но такую, знаете, необычную, – сообщила Марика, начиная пугаться того, что собиралась сделать.

– Волосы красивые, натуральные и ухоженные, – заметила девушка. – Не жаль отрезать?

– Да они сейчас по-другому о красоте девичьей понимают! – хмыкнула пожилая женщина. – Им и налысо хорошо! А вот парни с длинными патлами ходят. Ох! И куда мир катится?

– И какую стрижку? – понизив голос, спросила девушка, глядя в зеркало на лицо Марики.

– Челка длинная, на пол-лица, – начала объяснять та, – а сзади покороче. И еще нужно покрасить в черный цвет.

– Радикально! – засмеялась девушка. – А ты уверена?

– Уверена!

– У меня младшая сестра готка, – сказала девушка. – И ты решила в таком стиле?

– Типа того, – кивнула Марика. – И можно скорее?

– Ну, смотри, потом не жалуйся! – предупредила девушка и взяла распылитель.

Она начала брызгать на волосы водой.

В этот момент в зал вошел один из подвыпивших парней. Он плюхнулся в кресло рядом с Марикой и громко сказал:

– Кто тут мне башкень побреет? А то во, мля, как все заросло!

– Молодой человек, не выражайтесь! – одернула его пожилая женщина и подошла к креслу.

Марика вздохнула и закрыла глаза.

Через час с небольшим она вышла из парикмахерской в несколько взвинченном состоянии. Когда она открыла глаза и увидела себя в зеркале, то в первый миг не узнала. Девушка все сделала, как она хотела. И в зеркале отражалось отчего-то ставшее более узким и бледным лицо, наполовину прикрытое рваной черной челкой. Голубые глаза, правда, от этого цвета волос стали казаться намного ярче и глубже. Девушка взбила ей пряди на затылке, широкой кисточкой смахнула состриженные волосы с шеи и щек и сняла пенный.

– Класс! – восхищенно произнесла она, оглядывая свою работу.

– Вот мать ей дома устроит такой класс, что мало не покажется, – не удержалась от замечания пожилая женщина.

– Спасибо, – пискнула Марика, расплатилась, оделась и выскочила на улицу.

Она дошла до конца дома. Раздался смех, Марика резко повернула голову и увидела в подворотне все ту же компанию подвыпивших парней. Они что-то громко и весело обсуждали, размахивая банками с пивом. Заметив Марику, замолчали. Но, судя по всему, не узнали ее.

– О! Какая деффочка! – закричал один и замахал ей, дурашливо улыбаясь.

– Эмочка – плакса, – подхватил другой.

– Поплачь, дурочка, – добавил третий.

– И мы тебя утешим! – дружно заорали они и расхохотались.

Марика отвернулась и ускорила шаг. Но парни за ней не пошли, и она вздохнула с облегчением.

«Надо же, – думала она, – уже приняли за эмо. А я ведь только прическу поменяла! Но даже эти гопники знают про эмо! Ну, я и отсталая, если до сих пор понятия не имела об этой субкультуре!»

И пока она шла в сторону центральной площади, то мельком оглядывала себя во всех витринах. И очень скоро уже не вздрагивала от вида своего отражения. Правда, открытая шея немного мерзла с непривычки. И Марика накинула капюшон на голову.

Она пришла в торговый центр и сразу поднялась на второй этаж. Зайдя в бутик «Мода для тинэйджеров», увидела, что вчерашняя продавец-консультант на месте. Но та не узнала ее и не обратила никакого внимания, изучая какой-то глянцево-журнал. Марика усмехнулась, сняла с вешалки джинсы-скинни и пошла в примерочную. Надев их, повертелась перед зеркалом. Джинсы сидели отлично, обтягивая ее узкие бедра и стройные ноги.

«Беру! – решила Марика. – И надо что-нибудь еще посмотреть в моем новом стиле. Кирилл будет в ауте!»

И она начала улыбаться.

– Помощь нужна? – услышала она и выглянула из примерочной.

Консультант уставилась на нее так, словно увидела привидение. Она явно не верила собственным глазам.

– Я бы хотела сразу их надеть, – сообщила Марика, забавляясь ее изумлением.

– Э-э, здравствуйте, – сказала невпопад та. – А я уж подумала, что вчерашний голубок вернулся. А это вы! Но как вы стали на него похожи. Чудно все это!

– Просто поменяла имидж, – ответила Марика и пожала плечами. – Что в этом странного? А у вас есть что-нибудь в черно-розовой гамме?

– И ваша маменька разрешила?! – изумленно поинтересовалась консультант.

– У вас есть что-нибудь черно-розовое? – повторила Марика, выходя из примерочной.

– Да-да, сейчас, – спохватилась консультант и метнулась к вешалкам.

Марика прошла перед зеркалом в зале, повертелась, потом двинулась к висющим в ряд ремням. Ей понравился темно-розовый со стразами и большой пряжкой в виде металлического цветка. Она сняла его и приложила к джинсам.

«Как-то уж чересчур», – подумала Марика, глядя на дешевое сверкание стразов.

Мать с детства прививала ей вкус к красивым и дорогим вещам, и сейчас Марика испытывала что-то сродни ломки. Ей необычайно нравился стиль эмо, хотелось одеваться так же, выделяться из общей массы одинаково выглядящих сверстников, к тому же она была уверена, что станет в таком виде ближе Кириллу. Но она все еще испытывала дискомфорт от этого имиджа.

«Ничего, – думала Марика, вдевая ремень в джинсы, – похожу так и привыкну. Но вот дома меня ждет буря!»

Представив лицо матери, когда она увидит эти изменения, Марика погрузилась, но тут же упрямо поджала губы и тряхнула челкой. К ней уже спешила консультант, неся несколько вешалок с одеждой.

– Вот, посмотрите, может, что и подойдет, – вежливо предложила она, и стала рассматривать Марику, не скрываясь. – А знаете, вам идет, – после паузы добавила она и улыбнулась довольно искренне.

– Да? – спросила та и улыбнулась в ответ.

– Только вы в таком виде полная оторва, – тихо заметила консультант и хихикнула. – Но это куда круче, чем пай-девочка!

Марика рассмеялась, взяла из ее рук вешалки и направилась в примерочную. Ей понравился тонкий трикотажный джемпер. Он был черного цвета, края его капюшона и рукавов оформлены узкой розовой полосой. На груди розовела надпись «Kiss me». Множество крохотных красных сердечек обрамляли ее. Еще Марика выбрала обтягивающую футболку, детскую на вид, с серым мишкой на груди. Когда она оплатила вещи, то сразу надела на себя новые джинсы, розовый ремень со стразами и джемпер. Затем достала из сумки косметичку и обвела глаза черным карандашом. Выйдя из примерочной, она остановилась перед консультантом.

– Ну как? – спросила она.

– Отпад! – ответила та. – А это что, мода такая? Новая? Я в городе вижу, что и парни и девки такие появились.

– Это молодежная мода эмо, – важно ответила Марика. – Вы скажите своему менеджеру, пусть закажет вещи в таком стиле. Не прогадаете! В инете посмотрите, как это выглядит.

Консультант внимательно выслушала ее, потом бросилась к кассе и сказала, что запишет на всякий случай.

Ровно в пять Марика подошла к памятнику В. И. Ленина. Но Кирилл не было. Она сразу расстроилась и чуть не расплакалась. А она-то мечтала, как он удивится, когда увидит подходящую к нему девочку – эмо. Марика остановилась возле памятника, не зная, что ей делать. Сначала она достала телефон и хотела позвонить. Но потом передумала и села на корточки, привалившись спиной к памятнику и опустив челку на глаза, так же как в первое их свидание сидел Кирилл. Он появился буквально через пять минут. Марика еще издали увидела, как он быстро пересекает площадь, оглядываясь по сторонам с растерянным выражением лица. Сердце забило от стремительно нарастающего волнения, но Марика не шелохнулась. Ей нравилось наблюдать из-под длинной челки за Кириллом, словно она пряталась в убежище, где ее никто не видел. Он подошел к памятнику и тут только обратил на нее внимание. Марика с трудом сдержала смех, видя, что он не может отвести от нее взгляда. На его лице ясно читалось удивление и явное недоверие. Кирилл подошел и остановился в шаге от нее.

– Привет, – растерянно произнес он. – А ты не видела здесь девушку с длинными светлыми волосами?

– Привет! – ответила Марика и встала.

Она приблизилась и, откинув челку, посмотрела ему в глаза.

– Ты?! – изумился Кирилл. – А я уж решил, что начинаю сходить с ума!

– Привет, – еще раз сказала она.

Кирилл легко коснулся ее губ губами, взял за руку и повел с площади. Они гуляли по городу несколько часов, заходили в кафе, когда замерзали, долго стояли в какой-то подворотне и целовались до одури.

Марика приехала домой около десяти вечера. На ее счастье мать еще не вернулась из салона. Девушка умылась, зачесала волосы назад, закрепила их обручем. Потом села за компьютер. Она решила посмотреть, какие существуют эмо – группы. Кирилл слушал, в основном, музыку этого направления. И Марика решила закачать себе в плеер то, что понравится ей. Она послушала и посмотрела видео на сайте YouTube питерских «Оригами», Neversmile, Jane air, московской группы Maïo, киевской – Marakesh. Ей все очень понравилось. Включив на полную громкость хит Marakesh «Далеко Здесь», она начала танцевать и носиться по комнате, повторяя слова песни за солистом группы Марком Гриценко.

Обруч слетел с ее головы, волосы растрепались, но Марика продолжала прыгать, громко подпевая. И даже не заметила, как дверь распахнулась и на пороге появилась Мария Андреевна.

– Что это такое?! – закричала она. – Кто это?!

– Мама! – воскликнула запыхавшаяся Марика и выключила музыку.

Она остановилась, продолжая широко улыбаться. Но увидев бледное разгневанное лицо матери, тут же стала серьезной. Сделав виноватые глаза, подбежала к ней, обняла и начала целовать, приговаривая:

– Это я, мамуля, дочь твоя! Чего ты так волнуешься? Просто прическу сменила.

Мария Андреевна провела рукой по ее коротким волосам, откинула со лба длинную челку и тихо сказала:

– Объясни только, почему?

– Захотелось! – упрямо проговорила Марика и прижалась к ней. – Мне ведь уже шестнадцать! Надоело ходить в пай – девочках, гламурно – уبلёвско – сахарных! Скажешь, мне это не идет?

– Н-не знаю даже, – неуверенно ответила Мария Андреевна.

Она была мудрой матерью и прекрасно понимала, что строгостью с ее дочерью ничего не добьешься. К тому же ее заинтересовал сам стиль. Марика выглядела забавно и даже мило с этими короткими черными волосами и падающей на глаза челкой. И этот цвет делал ее голубые глаза ярче, а белую кожу нежнее.

– Но подстрижена ты не очень-то качественно, – заметила она после паузы.

И Марика, поняв, что гроза миновала, вздохнула с облегчением.

– Завтра после занятий приезжай в салон, поправим форму, – добавила Мария Андреевна.

– Но челка должна быть такой длинной! – предупредила Марика, тут же насторожившись.

– Не волнуйся, все будет так же, раз тебе нравится. Просто мастер форму подправит и все! – заверила Мария Андреевна.

– Мапочка, ты лучшая! – воскликнула Марика и поцеловала ее.

– Но ты стала разительно походить на своего нового друга – кукурузника, – задумчиво произнесла Мария Андреевна.

– Разве? – засмеялась девушка и состроила удивленную гримасу. – Не заикливайся на этом! Это просто тебе так кажется, стиль-то одинаков!

Через месяц уже никто не обращал внимания на новый облик Марики. В лицей она ходила, естественно, в форменной одежде, зачесывая длинную челку назад и закалывая ее, но в остальное время носила вещи в стиле эмо. И почти ежедневно встречалась с Кириллом. Скоро она стала своей в их немногочисленной тусовке. Единственная, с кем у нее не складывались отношения, была Ирочка. Она относилась к Марике настороженно, старалась не общаться с ней, смотрела на них с Кириллом с непонятым выражением лица. Скоро Марика поняла, что Ирочка сильно влюблена в него. Но даже это не омрачало ее лучезарного настроения. Она была полностью уверена и в Кирилле и в его любви к ней. И справлялась с приступами ревности при виде того, как Ирочка иногда на него смотрит.

Но наслаждаться счастьем ей мешали постоянные нападки на эмо-кидов представителей других группировок. Эмо буквально травили при каждом удобном случае. И когда как-то вечером на них набросились объединившиеся гопники и скины и избили без разбора и парней и девушек, Марика наутро поехала к отцу в мэрию и, закрывшись с ним в кабинете, о чем-то долго разговаривала. И уже через неделю эмо в их городке оставили в покое. На них странным образом словно распространился негласный закон о неприкосновенности. Все молодежные враждебные им тусовки стали обходить стороной ребят, выглядевших в стиле эмо. К тому же, словно по мановению волшебной палочки, прекратила свое существование новая, недавно организовавшаяся в их городке группировка анти – эмо.

Глава вторая

*Черно-розовые крылья
Ярче белых!
Ты в ночи их вдруг раскрыла
Так несмело...*

Из песни группы «Черно-розовое кино»

– Так куда пойдем? – спросила Марика, глядя на четкий профиль Кирилла. – Солнце сегодня какое!

– А не знаю! – ответил он и улыбнулся, подняв голову и прищулив глаза. – Можем просто погулять. Даже не верится, что целая неделя свободы впереди.

Марика посмотрела на него немного настороженно, потом взяла за руку и молча пошла рядом. Ей очень хотелось поговорить о том, что сегодня произошло, но она не знала, как начать. Они были вместе уже два месяца, и Марика успела изучить взрывной, чрезмерно эмоциональный и в то же время замкнутый характер Кирилла. Он прятал свои эмоции внутри души, как глаза под челку, но она знала, что в нем бушует пламя, опаляющее и практически никогда не гаснущее. Оно могло утихать на время, но при малейшем порыве вновь разгоралось. И это пугало ее.

– Что будешь в каникулы делать? – спросила Марика, видя, что он молчит.

– Отец просит помочь в гараже, – нехотя ответил Кирилл. – Наш старенький москвичок совсем развалился, а скоро в деревню нужно будет ездить, бабушке помогать с рассадой, да и вообще. А ты разве не поедешь в Грецию? – после паузы поинтересовался он странным тоном.

Действительно, мать хотела отправить ее в Грецию на эти каникулы с семейством соседей. Их дочь училась с Марикой в одном классе.

– Я думал, ты еще вчера укатила, – тихо добавил он.

– Ну что ты такое говоришь? – возмутилась она и встала перед ним, заглядывая в глаза. – Разве я могла уехать и не сказать тебе? Мы же вчера вечером перед сном долго болтали по телефону!

– И что? – сказал он и пожал плечами, глядя поверх ее головы с отсутствующим видом. – Ты могла уехать ночью. А мне не сказать, чтобы не тревожить. Я почему-то так и подумал, что ты сегодня уже в Греции на солнышке загораешь... среди пылких греков, которые пьются на тебя!

– Кирилл! – укоризненно сказала она и взялась за его талию, заглядывая в глаза. – Что ты говоришь?! Неужели ты поэтому хотел сегодня...

Марика осеклась, боясь затрагивать эту тему. К тому же она не верила, что Кирилл действительно хотел нанести себе смертельную рану. Она понимала, что он просто разрезал бритвой кожу, но неглубоко. Но вот зачем он это сделал? Ответа она не знала. И никакой видимой причины, на ее взгляд, не было. Они встречались два месяца, и за это время ни разу не поссорились.

– Все думаю, почему ты приехала ко мне именно в этот момент? – тихо спросил он.

– Все думаю, почему дверь была открыта? – одновременно с ним проговорила Марика. Они замолчали, внимательно глядя друг на друга.

– Отец утром уходил и, видимо, забыл закрыть замок, – после паузы предположил Кирилл. – Он вечно в подпитии, чего удивляться? Ты не ответила, – заметил он.

Но Марика и сама точно не знала, почему проснулась сегодня утром в тревожном настроении. И не раздумывая, поехала к Кириллу. Она даже звонить не стала, просто собралась и помчалась, изнывая от непонятого волнения.

– Но почему? – настойчиво спросила она и коснулась пальцами его запястья, обмотанного веревочными браслетами поверх пластыря.

– Ага, эмо – соплиемо, никак не успокоится, – услышали они позади себя злорадный голос и обернулись. – Решили во дворе порыдать в объятиях друг друга. Чего страдаешь, придурок? Марика не дает? Правильно и делает! Нафиг ей какой-то тощий плаксивый недоносок? Такой крутой ублёвочке настоящий мужик нужен!

К ним приближался Череп и говорил все громче. Он обнимал за талию прильнувшую к нему Натали. Они курили одну сигарету на двоих. Череп схватил за длинный конец шарфа Кирилла и мгновенно, не успели ребята слова сказать, обмотал его вокруг них, стянув за шеи.

– Так-то! – довольно заметил он и заулыбался. – Памятник будет в нашем дворе двум давленникам эмо! Так и стойте, плаксы!

– Да отстань ты от них! – раздраженно бросила Натали и начала разматывать шарф. – Чего к детям прицепился, урод? Чего они тебе плохого сделали?

– Ненавижу этих соплеразмазывателей! – зло проговорил Череп. – Когда ты, Кирюха, настоящим мужиком станешь? Школу уж в этом году кончаешь, а все сопли свои жуешь! Тряпки какие-то, не пойми что, прически девчачьи. Ты это, пацан, давай к нам на завод, там живо из тебя человека сделают. Да и деффочку свою начнешь любить по взрослому. А им только того и надо. Да, куколки?

И он прижал к себе Натали. Та захихикала и начала вырываться из его цепких объятий. Кирилл обмотал свисающий конец шарфа вокруг шеи и взял Марику за руку.

– Надоел ты мне, Череп, – спокойно проговорил он и откинул челку со лба, глядя ему прямо в глаза. – До всего тебе дело есть. Мне вот, может, не нравится твоя бритая башка, так ведь я тебе не указываю. К тому же скины, на мой взгляд, вообще уроды моральные, все без исключения!

– Чего-чего?! – с угрозой в голосе спросил Череп, отпустил Натали и придвинулся к нему. – Да мы, если хочешь знать, за чистоту расы! А это главное!

– Вот-вот, Гитлер тоже был за чистоту расы, – ответил Кирилл, – только странный способ он выбрал для осуществления своих целей. Гнобил и уничтожал.

– Ты хоть бы какие-нибудь документальные фильмы посмотрел на тему фашизма, – встряла Марика и придвинулась к Кириллу. – Или с ветеранами поговорил, может, мозги на место встали бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.